

Безумный Макс. Поручик Империи

Автор:

Михаил Ланцов

Безумный Макс. Поручик Империи

Михаил Алексеевич Ланцов

Безумный Макс #1 Героическая фантастика

Лейтенант Российской армии Максим Баранов уже успел и повоевать в «горячих точках», и схлопотать ранение, и осесть «в тылах», где от скуки увлекся военно-исторической реконструкцией. Но на очередном полевом выезде случилось чрезвычайное происшествие – напившись до изумления со своими сотоварищами, лейтенант очнулся в траншее под огнем гаубиц. А рядом оказались русские солдаты в униформе Русской Императорской армии. Они и просветили Баранова, приняв его за контуженого офицера, что состоит в корпусе генерала Самсонова, вокруг Восточная Пруссия, конец августа 1914 года – начало Первой мировой войны. Приняв командование над горсточкой испуганных и растерянных солдат, Максим начинает то, чему его учили в РВДУ имени Маргелова, – рейд по немецким тылам. Сумеет ли новоявленный поручик Империи воплотить в жизнь свой безумный замысел?

Михаил Ланцов

Безумный Макс. Поручик Империи

Пролог

Максим скривился и с раздражением убрал смартфон от уха. Из динамика доносился истеричный женский крик, взывающий к его давно почившей совести.

– Ну и катись! – рявкнул парень и со всей дури запустил смартфон в ближайшее дерево. Раз. И ни в чем не повинный кусок электроники затих, развалившись на запчасти. А наш герой окинул мутным взглядом округу.

Полная луна светила ярко и позволяла прекрасно обозревать завораживающую картину. С такой любовью и матом реконструированный участок оборонительных позиций пехотного полка времен Первой мировой войны был завален телами. Кое-как. Вперемешку. Словно тут совсем недавно шло не неистовое обсуждение аутентичных подворотничков, а настоящее сражение. И мундиры! Каких тут только не было! Даже просматривался некомплектный китель местного участкового, владелец которого куда-то подевался.

То еще зрелище!

Эти тела так увлеклись «научными дискуссиями», что не смогли добраться даже до своих палаток. Так тут и попадали, сраженные «коварным раствором». И теперь храпели самым кошмарным образом. Вон – даже собаки притихли, забившись под машины.

Парень тяжело вздохнул.

Водка кончилась. Коллеги опали, как осенние листья. Девки не приехали. Тоска. Смертная тоска. Но делать нечего.

И он, спустившись в одну из траншей, практически мгновенно заснул сном младенца. Прижимая к себе гитару, словно любимую девицу. А то еще утащит кто потехи ради...

Бах! Бах! Бабах!

Ухнуло где-то совсем рядом, ударив Максима по ушам громким звуком и осыпав землей.

– Да вы тут что, совсем?!.. – громко поинтересовался парень, просыпаясь.

Сел на задницу. Протер глаза.

Бах! Рядом ухнул очень натуральный взрыв, и в траншею рухнул кровоточащий кусок мяса, бывший некогда человеком. Ну как траншею? Так – жиденькую, наспех выкопанную канавку. Не шедшую ни в какое сравнение с той красотой, что ребята выкопали в рамках реконструкции.

Это отрезвило Максима лучше всяких таблеток. Адреналин пошел в организм целыми эшелонами. А мозг уже лихорадочно начал пытаться осознать происходящее.

Парень аккуратно высунулся из траншеи и резко нырнул обратно. Поле боя ни с чем не спутаешь. Рядом с траншеей лежали еще три трупа. И это явно не бутафория. Очень уж натурально все. И на вид, и на запах. Да и так людей хватает, что примечательно в форме Русской Императорской армии начала Первой мировой войны. Кто бежит, кто лежит, кто кого-то тащит...

– Бред какой... – буркнул Максим себе под нос. В его голове происходящее не укладывалось. Все выглядело так, словно устроители маневров реконструкторов решили пострелять друг в друга из пушек да гаубиц боевыми снарядами. Вжих-х-х. Что-то пронеслось недалеко. – И пулями... – сглотнув, подошедший к горлу комок, дополнил парень свои мысли вслух.

Еще раз выглянул. Опять нырнул на дно траншеи и нервно потер лицо, разгоняя кровь.

Хоть он и был молод, но уже успел побывать на войне. Посетил несколько горячих точек – одна военная компания поспособствовала. Нет, конечно, он туда не сильно рвался. Но иного пути хоть как-то построить свою военную карьеру он больше не имел из-за излишней похотливости. Ну, подумаешь, помог комбригу обзавестись внеплановым потомством? Ну уважил его молодую жену? Ну и что? Дело-то житейское. Так нет. Злопамятный оказался...

Куда он попал? Во что вляпался? Какие вещества Эдик подмешивал в тот самогон в канистрах? Важные вопросы. Но с ними он разберется потом. Сейчас ему, очевидно, требовалось выжить.

Максим подхватил винтовку убитого пехотинца. Снял с него ремень с подсумками для винтовочных обойм. И уверенно полез наверх.

Таким он и предстал перед тремя перепуганными солдатами.

Суточная щетина. Страшный перегар. Злые, осоловевшие глаза. Слегка помятый мундир пехотного поручика довоенного образца. Еще красивый и не растерявший свой лоск под тяжестью острого дефицита всего и вся. В руке трехлинейка, на левом плече гитара в чехле, на правом – ремень с подсумками. Надеть его он просто не успел.

– Ваше благородие! – выдохнули на автомате бойцы. И остановились, уставившись на непонятно откуда взявшегося офицера. Стрелять-то оно, конечно, стреляют. Но пиетет к офицерам у них пока еще имелся, и весьма немалый.

– Равняйся! Смирно! – гаркнул Максим, прочищая глотку. А потом уже спокойным голосом добавил: – Куда бежим-то?

Часть I

– А куда едем?

– А вы сами, что бы на это ответили бы?

– Да насрать!

– Вот, вы даже дорогу знаете.

Художественный кинофильм «Соловей-разбойник»

Глава 1

26 августа 1914 года, где-то в Восточной Пруссии

Своим появлением и вопросом Максим поставил бойцов в тупик. Да чего уж там – в натуральный ступор вогнал.

Пауза затягивалась.

На лицах всех трех отчетливо просматривалась попытка придумать хоть что-то внятное и правдоподобное. Они ведь бежали с поля боя. То еще занятие. И раз так спасовали перед незнакомым офицером, то вряд ли получали приказ на отступление.

Бах!

Метрах в семидесяти взорвался снаряд, отчего эта троица испуганно присела, а Максим лишь поморщился. Ранение, настоящее ранение, полученное им в песках одной довольно жаркой страны, наложило на него свой отпечаток.

Посттравматический синдром закончился хроническим бедствием – легким, но стабильным «протеканием крыши». Так что руководство военной компании перевело его на тыловые работы. Парень-то он толковый и полезный, такими не разбрасываются, но лучше бы ему держаться подальше от перестрелок.

Сюрпризов в тех непростых операциях, что проводила военная компания, ей и так хватало.

Все усугубляло еще и то, что голова Максима соображала очень туго после вчерашнего. Да и ситуация смущала невероятно. Куда он попал? Как? Зачем? Ни на один из этих вопросов он ответить не мог. Да, форма на бойцах была вполне типовая для Русской Императорской армии лета 1914 года. Винтовки аутентичные. Патроны боевые. Взрывы натуралистичные. Ну и трупы – заглядеться можно... если смотреть на все это, как на съемки кино. Да вот беда – в кино настоящих трупов не употребляли в качестве реквизита.

«Раствор коварен...» – подвел мысленный итог Максим и поинтересовался у этих солдатиков:

– Вы получили приказ отступить?

– Нет... – неуверенно ответил один из бойцов, испуганно скосившись на собратьев по опасной пробежке. И те, не сговариваясь, начали пятиться. Ведь в воздухе отчетливо запахло если не дезертирством, то оставлением своих позиций без приказа.

– Стоять! – рявкнул Максим, заставив их вздрогнуть и присесть. – Ты! – указал он на самого измученного на вид. – Знаешь, где немцы? – ляпнул наш герой первое, что пришло ему в голову. Просто сработал порядок ассоциаций. Немцы тут или австрийцы, он не знал. И даже не догадывался.

– Никак нет, ваше благородие, не знаю! – вытянувшись, рапортовался солдат. – С утра не видел.

– А вы?

– Никак нет! – хором ответили они. – Не знаем.

– Поступаете под мое командование! – гаркнул он. И продолжил прессинг. – Ты, – обратился он к тому самому бойцу с видом мученика, – занимаешь эту позицию. Твоя задача – открыть огонь по немцам, если они появятся. Просматриваешь вон тот перелесок, – указал Максим направление, откуда доносились звуки оружейных выстрелов. – Понял меня?

– Так точно!

– Повтори!

– Занять позицию. Смотреть туда. И стрелять по немцам, если увижу.

– Исполнять! – рявкнул Максим, и парня словно ветром сдуло. Раз, и он уже там, куда его послали. Не самый плохой вариант для измученной психики. Солдатик явно оказался не готов к войне... точнее, ни к боям, ни к трупам, ни ко всем этим нервическим забавам. – Теперь вы, – обратился Максим к оставшимся двоим, вытянувшимся по стойке «смирно» и «поедающим» его глазами. Странная реакция. Может, от нервов. Или тут все такие... – Собрать с убитых патроны к винтовкам. Найдете гранаты, пистолеты или еще чего – тоже берите. Задача ясна?

– Так точно! Собрать патроны и оружие! – хором ответили они и вздрогнули от далекого взрыва.

– Исполнять!

Сказал Максим и, удостоверившись, что эта парочка бегом припустила к ближайшему покойничку, уселся на бруствер траншеи. Достал портсигар для папирос, стилизованный под начало века. Едва заметно усмехнулся. Кусок антуража, потребный для проработки реконструированного образа там, в будущем, мог бы оказаться очень кстати здесь.

«Где здесь?» – снова задал сам себе вопрос Максим.

Может быть, он сейчас лежит на носилках, пускает пузыри, а санитары везут «тяжело раненного на всю голову» человека в ближайший дурдом? Но уж очень все натуралистично. Сон? Какой, к черту, сон с такой головной болью и вонью. Трупы, они не фиалками благоухают. Даже свежие. Запах парного мяса сложно с чем-то спутать.

Но если это реальность, то...

– Ваше благородие! – вырвал его из размышлений рядовой, которого он поставил прикрывать трофейную команду.

– Слушаю.

– Там кто-то есть, – указал он в кусты на другой стороне поля.

– Наши?

– Не могу знать.

– Позови бойцов, – тихо произнес Максим. А сам достал из чехла очень добротный офицерский бинокль, аутентичный эпохе, и попытался рассмотреть, что же там заметил в кустах его боец.

– Вань, Петь! – раздалось где-то рядом, и спустя пару секунд послышался топот двух молодых лосей.

– К бою, – тихо, но твердо произнес Максим, когда обе тяжело дышащие особи остановились рядом. Само собой, не отрываясь от бинокля. – Занять траншею.

– Есть, – ответили ребята, уже спрыгивая в укрытие. В таком деле им особо перечить офицеру даже и не хотелось.

Сам же Максим постоял еще секунд десять и присоединился к бойцам. Сема, а именно так звали того замученного рядового, уже пытался им объяснить ситуацию. Но его перебил наш герой:

– На опушке замечено движение. Ждем пять минут. Если ничего не прояснится – уходим вон к тому дереву. Ползком. Нечего под пули подставляться! Ты первый. Ты второй. Я третий. А ты замыкающий. Достигнув леса – занимать позиции и готовиться прикрывать отход остальных. Все поняли?

– Так точно! – хором ответили бойцы.

– Повторить!

И ребята, явно не привыкшие к таким сложностям в получении приказа, пусть и неохотно, но повторили. А Максим снова прильнул к отличному биноклю. Очень добротная реплика войсковой модели Герца образца 1907 года – разберешь не отличишь, только оптика стояла качественная – из XXI века, давая немало бонусов в чистоте картинки.

Однако ни боя, ни отступления не получилось.

Двух минут не прошло, как ситуация разрешилась. Из кустов осторожно вышел кто-то в форме Русской Императорской армии и вдоль опушки быстрым шагом пошел к той самой траншее, в которой сидел Максим с бойцами.

Недолгое ожидание, и вот уже подходит незнакомец. Хотя встретить в текущей обстановке знакомых Максим и не надеялся. Разве что его коллеги умудрились тоже нажраться до такого же изумления, чтобы провалиться не то в прошлое, не

то в какой-то параллельный мир...

– Здравия желаю, ваше благородие! – поприветствовал его незнакомец. – Младший унтер-офицер Васков.

Максим козырнул в ответ и произнес:

– Извините, представиться не могу. Контузия. Даже имя свое по портсигару узнал.

– Эко вас зацепило! – участливо произнес Васков. А у самого глаза смеются. Ну еще бы! Перегар у Максима был такой, что подожги – не хуже Змей-Горыныча огнеметом смог бы потрудиться.

– Не смешно! – раздраженно буркнул Максим. – МНЕ совсем не смешно. Ни своего имени, ни матери, ни отца... ничего не помню. Словно только сегодня родился вот здесь, присыпанный землей. Даже с кем и зачем пил – и то не помню. А главное – где нам удалось столько найти...

Соврал? Безусловно. Импровизировать пришлось на ходу. Не правду же Васкову рассказывать. Да и всем остальным. И так-то много вопросов к нему будет. А если же все как есть вывалить, совсем за психа примут. Пусть уж лучше так. Тем более что документов никаких у Максима с собой не было... Вообще никаких. Даже те, что требовались на просторах Российской Федерации, остались в бардачке автомобиля. Да, конечно, по-хорошему, давно уже требовалось закончить реконструируемый образ поручика и слепить себе какие-нибудь документы начала XX века. Но, увы, руки не дошли...

К счастью, в эти благословенные времена агрессивных и находчивых профессиональных проходимцев было еще не так много, а людей, способных их разоблачить, еще меньше. А потому мужчине, утверждавшему, что он офицер, могли вполне поверить на слово без всяких документов. Да и уровень образования хочешь не хочешь всплывет, что тоже аргумент. В стране, где львиная доля населения даже читать-писать толком не могла, его военная и техническая подготовка слишком выпуклой окажется. Не спрятать. Да и писать он умел со всеми этими ятями. Медленно, но вполне уверенно. Выучился, когда увлекся эпохой и военно-исторической реконструкцией. Было совсем непросто, так как пришлось банально зазубрить в корне непонятную логику этой

архаичной системы, но теперь это давало ему шанс не ударить в грязь лицом в случае чего...

- Бывает, - все тем же участливым тоном ответил младший унтер-офицер и улыбнулся уже всем лицом, а не только глазами.

Ему было можно. И ситуация позволяла, и возраст. Васков явно выслужился из рядовых и был уже совсем не молодым мужчиной. Даже седина местами пробивалась. Опытный служака, матерый, многое повидал. Вон - и солдатский крест на груди. Нижним чинам за красивые глазки такие никогда не вешали.

- За Японскую войну, - произнес Васков, заметив внимание поручика на его Георгиевский крест.

- Доложи обстановку.

- Ваше благородие, - подобрался унтер. - Я многого не знаю.

- Хотя бы в общих чертах. Может, сам вспомню что.

- Мы в Восточной Пруссии. Наш полк разбили. Где кто находится - непонятно. Пару раз на немцев натыкались. Троиш потерял в этих стычках...

Максим слушал и лихорадочно пытался соображать. Форма Русской Императорской армии самого начала войны. Да и в сапогах все еще. Лето. Восточная Пруссия. Отступающие, разбитые русские войска. Ох как немного вариантов получается...

- Сегодня какое число?

- Двадцать шестое августа.

- Мы в расположении 2-й армии генерала Самсонова?

- Так точно.

Максим напрягся. Он не так хорошо знал историю, чтобы помнить в деталях все значимые сражения Первой мировой войны. Хотя бы на Восточном фронте. Но сам-то он реконструировал поручика начала войны и о трагедии под Танненбергом знал прекрасно...

– 1-й корпус генерала Артамонова? – после долгой паузы вновь спросил он у младшего унтер-офицера.

– Он самый, – кивнул тот.

– Твою ж мать... – как-то обреченно выдал Максим и опустил на бруствер траншеи.

– Ваше благородие? – поинтересовался Васков, которому совсем не понравилась эта реакция.

– Немцы нас отбросили, вынудив отступить, и теперь окружают основные части армии, – тихо произнес поручик, уставившись в землю.

– Ваше благородие? – напрягся младший унтер-офицер, вновь привлекая к себе внимание.

– Грустная новость у меня, Васков, – ответил Максим, горько усмехнувшись. – Слышишь куда сместились взрывы? По нам уже и не бьют. Отработали по выявленным позициям и перешли к другим оперативным задачам. А значит, фронт – там. И он стремительно откатывается. А мы – в тылу врага.

– Так что же это, братцы! – воскликнул Сема. – Как же это мы?

– Это твои? – спросил Максим Васкова, указав на бегущую по полю пару бойцов.

– Мои.

– Братцы... – снова воскликнул Сема. – Так что же? Нам что, в плен теперь идти?

– Не советую, – буркнул Максим. – С офицерами да дворянами немцы еще как-то считаться будут, а с нижними чинами – нет. Покормят помоями раз в пару дней –

уже неплохо. А то ведь и на каменоломни загонят, где и сгинете. Или ты не слышал, что немцы в Африке устроили? Сколько сотен тысяч душ сгубили буквально за несколько лет, просто потому, что они им там были не нужны! Так и тут. К чему вы им? Зачем вас кормить? Какую пользу им это принесет? Впрочем, я не уверен, что даже с офицерами они станут обращаться как с людьми. Не любят нас немцы. Не уважают. Для них русский – словно и не человек, а так, что-то второго сорта. Дикарь.

– Но...

– Его благородие правильно говорит, – вмешался Васков. – В плен идти последнее дело. Тем более что и оружие при нас, и руки-ноги нам пока не вяжут.

– Много ли навоюешь этими игрушками? – тяжело вздохнув, махнул поручик рукой с винтовкой. – Пулемет бы...

– Так вон за тем лесом пулеметы и стрекотали, – вставил свои «пять копеек» подбежавший ефрейтор.

– И верно, – согласился Васков. – Стрекотали.

– Но как воевать-то? – вновь пискнул Сема. – Мы же в окружении!

Максим встал. Медленно обвел взглядом шестерых взрослых мужчин и, обернувшись к Семе, поинтересовался:

– Знаешь, что на это тебе бы ответил знаменитый русский полководец Александр Васильевич Суворов?

– Нее-е-е-т... – как-то неуверенно произнес парень.

– Попав во врага окружение ...его гада на поражение! – заявил поручик, назидательно подняв указательный палец вверх. С матерком. Не без этого. Но настроение эта фраза бойцам немного подняла. Вон, даже кое-кто улыбнулся, хотя несколько секунд назад стояли мрачнее тучи...

Дальше дело пошло намного лучше.

Васков с тремя рядовыми выдвинулся на сбор оружия, боеприпасов и продовольствия. Благо на поле лежало до двух десятков убитых и кое-какие запасы собрать было реально. Младший унтер-офицер даже глазом не повел, когда услышал приказ. Видимо, моральные нормы после Русско-японской войны у него несколько сместились. Ефрейтор Сапрыкин, взяв «под мышку» Сему, занял позицию для прикрытия трофейной команды. А Максим достал бинокль и начал вдумчиво «осматривать горизонт». Четыре глаза хорошо, но оптика – лучше.

Завершив сбор этого нехитрого урожая, новоиспеченный поручик распорядился перекусить. Потом распределил нагрузку по боеприпасам и сухому пайку. Немного помучил бойцов, проверяя обмундирование, сбрую и вообще – внешний вид. Заставил попрыгать и привести в порядок гроыхающие предметы. Приказал Васкову проверить правильность намотки портянок. И только после этого скомандовал выступать.

Лишние винтовки брать с собой не стали. Они совсем ни к чему. Так, затворы с них вынули да выкинули. Нечего радовать врага трофеями. А вот револьвер Нагана, найденный у одного покойного, Максим прихватил. Офицер он или где? Там-то на реконструкции наш герой ходил с вполне оригинальным, но холощеным револьвером. Однако во время пьянки «дал посмотреть» кому-то, тот передал дальше, и «пугач» бодро побежал по рукам в неизвестном направлении... Но это и неплохо. Совершенно непонятно, как бы отреагировали бойцы, узнав, что у их командира вместо боевого оружия – детская игрушка...

Глава 2

26 августа 1914 года, где-то в Восточной Пруссии

Отряд поручика состоял всего из семи человек, включая его. Однако это не помешало отправить в передовой дозор ефрейтора и выставить две фланговые заставы, направив туда самых осторожных солдат. Сам же Максим вместе с младшим унтером и двумя рядовыми двигался основной колонной.

Казалось бы – глупая возня. Зачем так морочиться при столь небольшом отряде. Но Максим решил действовать по уму, раз уж вляпался. Вон – Васков шел обычным образом и потерял половину группы. А у него слишком мало людей, чтобы ими так бездумно рисковать.

Так и шли с час, наверное, или около того.

Вдруг Сапрыкин остановился и, как и было условлено, поднял руку, привлекая внимание.

Все напряглись.

Секунда. Другая. И, увидев отмашку командира, бойцы начали рассасываться, формируя простенькую засаду. Максиму пришлось минут десять объяснять задумку, а потом пять раз репетировать, пока начало что-то получаться. Ключевое слово «что-то». Вот и сейчас, кто в лес, кто по дрова. И по сучкам, по сучкам, словно молодые лоси. Но обошлось, ибо тот, кто ломился им навстречу, напоминал медведя-шатуна, страждущего опохмела после страшного бодуна. Шуму от этого кадра было больше, чем от всего отряда, вместе взятого.

И вот, тяжело дыша, словно загнанная лошадь, из-за деревьев вышел прапорщик Русской Императорской армии самого взъерошенного вида. Фуражка задрана на затылок и сбита немного вбок. Взмокшие волосы топорщатся охреневшими сосульками. А мундир – отдельная песня. Он сидел на нем, словно испуганный лосось на заборе. В общем – красавец.

За ним, не в пример аккуратнее, двигалось четверо рядовых, с явной жалостью посматривающих на своего командира. Ну а что им делать? Советы давать, влезая поперек батьки? Так глупо. Да и зачем? Видно же, что он хоть и в офицерском чине[1 - В РИА прапорщик был младшим офицерским (обер-офицером) чином, а не как в наши дни – старшим унтер-офицером.], но человек всецело гражданский, мало того, паркетный.

– Господин прапорщик, – громко спросил поручик, выходя из-за дерева. – Куда вы так спешите? Уж не к даме ли сердца? Но тогда я смущен. Где же ваши цветы?

– О господи! – выдохнул прапорщик и остановился, переводя дух, буквально привалившись к ближайшему дереву. – Слава богу! А я уж грешным делом думал, что мы одни тут остались.

– О, не переживайте. После разгрома корпуса в округе масса наших. Одна беда – слоняются они бесцельно. Словно подражая броуновскому движению.

– Да, да, – охотно согласился прапорщик, продолжая попытки восстановить дыхание. – Вы правы. Совершенно бесцельно. Ах! Простите мою невежливость! Хоботов, Лев Евгеньевич.

– Здравия желаю, – вполне искренне улыбнувшись, козырнул Максим, едва сдержавшись от бурной реакции. Какой персонаж! – Увы, рекомендовать в ответ не имею возможности. Контузия. Даже имя свое только с портсигара вычитал.

– Боже! – ахнул прапорщик. – Что, не помните?

– Ни своего имени, ни матери, ни отца. Ничего. Никаких сведений. Даже зацепиться не за что. Считайте, что я сегодня родился на свет.

– А ваши люди, они разве вам не подсказали?

– Я принял над ними командование. Вероятно, до контузии мы не встречались.

– Печально... очень печально... – очень искренне произнес этот офицер. – Как же мне к вам обращаться?

– Максим... хм... пусть будет Федорович[2 - Федорович – происходит от имени Федор, что вариация греческого имени Теодорос, которое переводится как «Божий дар». Такое отчество нередко употребляли в официальной среде для обозначения отчества там, где оно было либо непереводаемо на православную почву, либо неизвестно. Этаким изящный и вполне позитивный вариант шуточного отчества – «Батькович»]. Если бы не Божье провидение, то контузия могла закончиться и чем-то более страшным. Не самый дурной вариант вышел. Потом, надеюсь, разберусь, а пока пусть так.

– Максим Федорович, – соглашаясь, кивнул прапорщик и поинтересовался: – Вы говорили о цели. Куда вы идете?

– Немцев бить, – незамысловато пожал плечами поручик.

– Вы серьезно? – удивился Хоботов.

– Конечно. Мы в тылу врага. Он не ожидает того, что мы станем с ним драться. Вот и удивим его от всей души. Помните, что сказывал про это Александр Васильевич Суворов?

– Про удивление врага? Удивишь – победишь!

– Так точно. Немного надежды на успех, но это все лучше, чем пытаться пробиваться через боевые порядки немцев. 1-й корпус генерала Франсуа, не ландвер. Это серьезные кадровые части. Выучка на уровне, как и дисциплина. Там нам делать нечего. А вот тылы у них совершенно беззащитные. Полагаю, вы не откажетесь поучаствовать в этом небольшом променаде?

– Разумеется! – живо откликнулся прапорщик, отчего Максим едва сдержался, чтобы не скривиться.

В принципе, человек этот, Хоботов, был хороший. Но в нем настолько сквозило махровой интеллигенцией, что поручик просто не понимал, что с ним делать. Каждый из рядовых, что Лев Евгеньевич вел за собой, был полезнее и нужнее его лично. Он был балласт. Проблемный балласт...

Восстановив ордер с передовым дозором и двумя фланговыми заставами, увеличившийся в размерах отряд продолжил движение в сторону позиций пулеметной роты. А Максим попытался узнать, что же это ему за кадр попался.

Особенно выспрашивать ничего и не требовалось. Прапорщик был явно большим любителем поболтать. И очень быстро выяснилось, что да, Лев Евгеньевич Хоботов был вполне себе обычным классическим интеллигентом. Окончил философский факультет Императорского Санкт-Петербургского университета. По идеологическим соображениям отправился в армию вольноопределяющимся, ну а там, после полутора лет службы, сдал экзамен на младший офицерский чин.

Но уйти в запас не успел. Война началась. Так в армии и остался свежим, только что испеченным прапорщиком. Прямо с пылу с жару.

Служба никак на него не повлияла. Видя, какой субчик к ним пожаловал, офицеры не стали над ним измываться и посадили при штабе. Благо что для грамотных людей бумажная работа всегда найдется. Вот и высидел Лева свой срок. А что там в поле с солдатами нужно делать – так и не узнал...

И смех, и слезы.

Одно радовало. Солдаты, что с ним шли, немного повеселели. Видимо, надежды на успех при таком предводителе было у них немного. А Максим хоть и контуженый, но уверенности внушал побольше.

– Ваше благородие, – тихо произнес младший унтер-офицер. – Мы подходим.

– За этим перелеском?

– Так точно. Полагаю, что там.

– Привал, – подняв руку, произнес Максим. – Федот Евграфович, – обратился он к унтеру. – Прогуляйся. Посмотри, что к чему. Только тихо. И как в прошлый раз кустами не шевелите. Понял приказ?

– Так точно! Тишком разведать обстановку.

– Верно. Исполняй.

Сказал поручик и проводил удаляющегося унтера взглядом. В принципе, он мог бы с Васковым и в более холодном стиле общаться. Почему нет? Напустить на себя маску высокомерного быдла несложно. Но крест за Японскую войну не позволял. На нижние чины награды редко проливаются благодатным дождем, чай, не августейшей крови князи, которым за что ни попадя «висюльки» раздают. Пил чай в сотне верст от фронта – уже храбрец. В десяти? Герой! А вот если Федот получил крестик, то точно не просто так. И с ним уже язык не поворачивался вести себя по-хамски. Нет, до панибратства скатываться он не собирался, но без уважения не получалось.

Пока появилась передышка, Максим выставил охранение и велел остальным перемотать портянки, привести себя в порядок и проверить оружие. Мало ли бой?

Хоботов приказ проигнорировал.

Этот удивительный кадр, наткнувшись на кого-то образованного, присел Максиму на уши. Плотно так.

И ладно бы по делу присел. Так нет. Метафизикой стал грузить, из-за чего остро захотелось дать ему в морду. Просто чтобы заткнулся и занялся делом.

– Вы не согласны со мной? – словно почувствовав это растущее раздражение, поинтересовался Лев Евгеньевич.

– Что вы знаете о научном методе? – хмуро поинтересовался Максим.

– Что, простите?

– Чем отличается наука от досужей болтовни?

– О! Это очень интересный вопрос! Вы понимаете...

– Я, – очень жестко произнес Максим, – понимаю.

И кратенько так пересказал ему критерий Поппера, используемый для отделения научного знания от обычной демагогии. Ну и кое-какие связанные моменты. Привел парочку очевидных примеров.

Ничего сложного, если понимаешь, о чем речь. А среди реконструкторов хватало людей, отчаянно сражавшихся с бурным распространением лженауки в начале XXI века. Вот Максиму и приходилось неоднократно выслушивать выкладки закаленных в интернет-баталиях популяризаторов науки. Так что прогрузил он Хоботова по полной программе. Бедняга даже завис, уйдя в себя и переосмысливая свой, безусловно, огромный внутренний мир с позиции только что услышанного. Ведь ни критерия Поппера, ни каких-либо внятных методов отделения науки от «метафизики» в начале XX века еще и не существовало.

Завис? Ну ладно. Ну и хорошо. Пользы не приносит, так пусть хоть не мешается.

Вернулся Васков.

– Ваше благородие, немцы, – тихо он ответил на невысказанный вопрос Максима. – На трофейную команду похоже. Тринадцать рядовых да унтер.

– Неплохо.

– Неплохо? – удивился Хоботов, выныривая из своего микрокосмоса.

– Конечно, – ответил поручик и кровожадно усмехнулся, чем заставил Льва Евгеньевича вздрогнуть и отшатнуться...

Полчаса, долгих полчаса потребовалось отряду, чтобы выйти на позиции. Очень уж Лев Евгеньевич был к этому не приспособлен. Максиму пришлось лично участвовать в его продвижении. Опасаясь в противном случае выдать неприятелю свое местоположение посредством шума, генерируемого этим паркетным лосем.

Так или иначе – добрались.

Выдвинулись на огневые позиции ползком. С горем пополам распределили цели. Оказалось, что местные вояки с этим приемом не знакомы. Пришлось поручику шепотом, на пальцах объяснять и в ручном режиме распределять.

– Товьсь! – громко шепнул Максим. – Пли!

Грянул залп.

Удачный такой. И довольно точный. По ростовой фигуре с трехлинейки из позиции лежа да шагов со ста промахнуться сложно. Но все равно Максим, Васков и Сапрыкин сделали еще несколько выстрелов, добивая оставшихся на ногах.

– Вперед! – рявкнул Максим, срываясь с места.

Дистанция левая. Преодолели быстро. И оказалось, что, как и всегда, осталось прилично раненых. Да, «тяжелых». Но из четырнадцати человек наповал уложили только восьмерых. Все-таки навыков стрельбы у местных было очень немного. Нормы тренировочных выстрелов перед войной были смешные.

- Ты, ты и ты, - громко командовал поручик, - в охранение. Займете позицию вон там, там и там. Поняли?

- Так точно, ваше благородие! Выступить в охранение. Занять указанные позиции.

- Исполнять!

- Есть!

- Какие будут приказания? - сразу же вклинился Васков.

- Раненых добить. Оружие, боеприпасы и продовольствие собрать.

- Максим Федорович! - воскликнул Хоботов.

- Лев Евгеньевич? Вас что-то смущает?

- Да! Это же раненые! Россия ратифицировала протоколы Гаагской конвенции! Мы должны оказать раненым медицинскую помощь!

- Seriously? Вы так считаете?

- Да!

- Пойдемте, - произнес поручик и, ухватив Хоботова за рукав, подтащил к ближайшему немцу. - Немецкий язык знаете?

- Да-а-а, - неуверенно произнес прапорщик.

– Переводите ему. Скажите, что у него пуля пробила легкое. Он умрет через пятнадцать-двадцать, максимум тридцать минут. Лазарета поблизости нет. Врачей нет. Перевязочных средств нет. Оказать медицинскую помощь ему мы не можем.

– Я... – как-то неуверенно промямлил Хоботов.

– Переводи! – рявкнул Максим на Льва Евгеньевича, отчего тот присел и быстро залопотал на немецком. Унтер, а это был именно он, едва заметно кивнул, принимая сказанное. – А теперь спроси его, – продолжил поручик. – Прервать его мучения или ему еще пострадать хочется? Ну!

Хоботов промямлил вопрос. Немецкий унтер что-то прошептал в ответ, и Хоботов побледнел. Он не столько услышал, сколько понял, прочитав по губам.

– Что он сказал?

– Он просит добить... но...

– Что?! – продолжил давить Максим, шагнув вперед, отчего прапорщик отступил и свалился в траншею. Аккурат на тело погибшего русского солдата.

– А-а-а! А! – истошно закричал Хоботов, схватившись рукой за вывалившиеся кишки покойника.

– Хоботов! Это мелко! Что вы по трупу елозите? Вы же ему все внутренности отдадите.

– Ваше благородие, – попытался вмешаться Васков, но был остановлен жестом.

– Этот солдат, – продолжил поручик, – получил ранение, вспоровшее ему живот. И он умер не быстро. Ползал по траншее и собирал собственные кишки, вперемешку с землей, пытаясь запихнуть их обратно в живот. Его последние часы были полны боли и ужаса, – произнес Максим и, присев, протянул руку Хоботову, помогая выбраться. И когда тот с трудом вылез наверх, добавил: – Поверьте, он был бы счастлив, если бы кто-то прервал его мучения.

- Вы считаете? - нервным, неуверенным голосом спросил Лев Евгеньевич.

Вместо ответа Максим подвел Хоботова к немецкому унтеру. Вложил в руку прапорщика нож. Приставил лезвие к той части грудной клетки немца, где должно было располагаться сердце. Повернул, дабы клинок легко прошел между ребер. И ударил сверху второй рукой по рукоятке, вгоняя нож в немца. Тяжело раненный унтер вздрогнул, передавая эту вибрацию на рукоятку. Лев Евгеньевич рефлексивно выдернул нож... да так и остался сидеть с потерянным видом возле быстро затихшего тела противника.

- Федот Евграфович, - обратился Максим к младшему унтер-офицеру. - Выполняйте приказ.

- Есть! - козырнул тот, и солдаты засуетились.

Прошло минут пятнадцать.

Совершенно потерянный, подавленный и перемазанный в крови с головы до ног Хоботов все так же сидел возле трупа и смотрел куда-то перед собой.

- Ваше благородие, - тихо произнес Васков, подойдя, - зачем вы так?

- Война - это место, где пирует смерть. И, как любая баба, она не любит, когда от нее нос воротят.

- Так как же нос не воротить? Страшно же умирать.

- Да. Но это неизбежно. Не сегодня, так завтра. А страх? Александр Македонский как-то сказал, что страх гонит воинов вперед, но только победившие страх побеждают...

- Кого? - наконец-то подал голос Хоботов. - Кого они побеждают?

- Себя, - произнес поручик, обернувшись, и продолжил, разворачивая мысль: - Величайший враг прячется там, где вы меньше всего его будете искать. Не понимаете? А вы попробуйте встретиться со своими страстями, слабостями и страхами лицом к лицу. Глаза в глаза. И набить им морду...

Глава 3

26 августа 1914 года, где-то в Восточной Пруссии

Пулеметную роту крепко накрыли. Позиции-то, конечно, те еще были. Устроены тляп-ляп на скорую руку. Но их перекопало снарядами так, что жуть. И судя по воронкам – очень немалым калибром. Скорее всего даже шестидюймовыми гаубицами долбили, что говорило о многом. Оперативная реакция на выявленные позиции обычно осуществляется орудиями поуже. Просто в силу того, что они ближе и доступнее к передовым частям. А тут получалось, что немцы заранее знали, где встанет пулеметная рота... и очень точно знали...

Во всяком случае, именно к этим выводам Максим и пришел, изучая разбитые в пух и прах позиции. Местами, конечно, участки эрзац-траншей сохранились, но в целом все выглядело так, словно кто-то пытался вспахать снарядами этот участок земли.

Пока солдаты под руководством Васкова играли в кротов и пытались откопать ценное имущество, поручик прогулялся по наблюдательным постам. Неизвестно же, как бойцы заняли свои позиции. Может, оттуда ничего и не видно. Или они сами как на ладони. Их же наверняка никто не учил этому делу. Вот Максим и не решился пускать все на самотек. А то еще немцы внезапно выскочат откуда-нибудь и поймают их со «спущенными штанами» на этих «археологических раскопках».

Что любопытно, Хоботов, несмотря на свое состояние, увязался за поручиком. Молча, к счастью. Просто наблюдая за тем, что и как тот делает. А дел хватило...

Как Максим и подозревал, солдаты обычной линейной пехоты не имели ни малейшего представления о том, как нужно выбирать позиции для наблюдательных пунктов и маскироваться на местности. Пришлось показывать. Рассказывая и подробно разъясняя, казалось бы, очевидные вещи.

– Ну и зачем ты высовываешься над деревом?

- Чтобы посмотреть, ваше благородие.

- А как со стороны это будет выглядеть, ты не подумал? Вот лежит, значит, на земле поваленное дерево. И тут раз! На него взгромождается волосатый колобок с ушами. Сидит такой и глазами моргает. Ну а что? Обычное же дело.

- Виноват, - подавив улыбку, буркнул солдат.

- Подумай, как разместиться так, чтобы в глаза не бросаться.

- Ваше благородие, - жалобно произнес солдат, не вполне понимая, что от него требуется.

- Ладно, - тяжело вздохнув, произнес Максим и перешел к наглядным объяснениям...

Добрый час он потратил, обходя всего три дозора и наводя там порядок. Разъяснить, показать, замаскировать, оговорить способы сигнализации... и так далее, и тому подобное. Все, что для него было, в принципе, просто и очевидно, этим вчерашним крестьянам оказалось в новинку, в диковинку. Да и Хоботов слушал очень внимательно. Слишком внимательно, что немало напрягло поручика поначалу. Думал - философ подвох ищет. Но обошлось. Оказалось, что тому действительно и неподдельно все это было интересно.

Уставший и немало замученный необходимостью рассказывать очевидные вещи, поручик вернулся на позиции. Туда, где энергично копошились солдаты под руководством младшего унтер-офицера Васкова.

- Ваше благородие, - козырнул вышедший навстречу Федот Евграфович.

- Пулеметы удалось найти?

- Удалось, - кивнул он. - Один пулемет почти целый. Еще три помяло сильнее, но в полковых мастерских, может, и отремонтируют.

- Что с этим, относительно целым?

- Щиток смят да бачок имеет две небольшие осколочные пробоины.
- Терпимо, – кивнул поручик. – Щиток снять. Пробоины деревяшками заткнуть, в распор. Потом заправить бачок водой. Я вон там ручей видел. И сделайте запас воды. Хотя бы ведро заготовьте. Мало ли?
- Есть, – кивнул, принимая приказ, Васков.
- Что еще нашлось?
- Из исправного?
- Разумеется.
- Дюжина наших карабинов трехлинейных, одна винтовка, пистолет Маузера, пистолет Люгера, два револьвера Нагана, три бедула и один кортик.
- Все?
- Все.
- Негусто, – покачал головой Максим. – И это с пулеметной роты? М-да. А патронов много?
- Не очень, – покачал головой Васков. – Зарядные двуколки разбиты и патроны, частично помятые, разбросаны по округе. Я выделил одного солдата – собирать. Но их потом еще отбирать, на глазок, откидывая мятые. А в траншеях многое засыпано. Лопат нормальных у нас ведь нет.
- А ленты пулеметные и жестяные ящики к ним?
- Лент нашли семь штук. Две полные, остальные пустые. Ящика целых только два. Жесть же, – пояснил Васков. – Мнется легко. Все, что стояли на позициях у пулеметов, пришли в негодность.
- Ясно, – кивнул Максим...

Выслушал поручик доклад. Раздал поручения с заданиями. И сел передохнуть. Тем более что голова все еще гудела после вчерашнего. Но не тут-то было. Младший унтер-офицер не смог лично заняться ремонтом пулемета, так как требовался присмотр за солдатами. Не то чтобы те работали из-под палки, но бардак в их шатких рядах организовывался мгновенно. А «войсковому философу» доверять столь ответственную работу Максим не мог. Так что пришлось потрудиться самому. Предварительно сделав пару глотков разбавленной «aqua vita»[3 - Aqua vita - «живая вода» в переводе с латинского. Так в старину называли этиловый спирт. В данном случае подразумевалась водка.] из фляжки, предложенной Васковым. Унтер прекрасно понимал состояние командира и не стал жадничать.

Немного полегчало, и Максим принялся за дело. Достал свой складной нож Orinell, стилизованный под поделки первых, предвоенных выпусков. И принялся за бачок пулемета. Благо что скрутить щиток Васков успел сам.

Полчаса пролетело незаметно.

– Ваше благородие, – тихо произнес солдат.

– Слушаю, – ответил поручик, не отрываясь от возни с «веселой железякой». Он как раз завершал обмотку тряпицей места крепления «чопиков», чтобы те от вибрации не вылетели.

– Сигнал тревоги от дозора.

Максим резко вскинул голову.

– С какого?

– Вон, – указал солдат.

– Бегом к наблюдателю. Выяснить, что к чему, и доложишь.

– Есть выяснить и доложить, – козырнул солдат и улетел с удивительной скоростью. Видимо, и сам напрягся немало. Зря же наблюдатель не станет подавать такие тревожные сигналы.

И верно. По дороге, возле которой находились позиции разбитых пулеметчиков, двигалась немецкая маршевая колонна. Человек в сотню-полторы. То есть что-то около роты. Почему маршевая? Так без обоза. По всему видно, что сколотили наспех временное формирование и ведут на передовую для пополнения регулярных подразделений.

Немцы находились за лесом, но шли довольно бодро. Минут через пятнадцать должны были подойти.

- Васков, - крикнул Максим, привлекая внимание младшего унтер-офицера.

- Я!

- Отряд к бою.

- Есть!

- Возьмешь бойца, пулемет и займешь позицию вон там, - указал он на удачно поваленное дерево на правом фланге. Лес в этом месте делал небольшой крюк, огибая поле выступающим перелеском. Именно из-за него немцы выйти и должны были. Так что пулемет, в случае удачи, мог ударить по колонне с задней полусферы. А это должно было добавить паники и неразберихи.

- Максим Федорович! - внезапно ожил философ. - Позвольте мне.

- Ты уверен? - поинтересовался поручик, глядя в глаза Хоботову. Горящие, прямо-таки безумные глаза. Из-за чего весь его облик напоминал хомяка-террориста.

- Да.

- Хорошо, - после короткой паузы ответил Максим. - Васков, поступаешь в распоряжение Льва Евгеньевича. Задание то же. Спешно выдвинуться к указанной точке и занять фланкирующую позицию за тем поваленным деревом. Вон видите, между стволом и землей щель в пару ладоней? Естественная бойница получается. После открытия огня нами вы включаетесь и стараетесь длинной очередью положить как можно больше. А потом работаете короткими

очередями, стараясь выстригать тех, кто залег. Ясно?

- Так точно, - заявил Васков и вместе с Хоботовым повторил приказ.

- Действуйте.

И это импровизированное звено энергично зашевелилось.

Чуда не произошло. Лев Евгеньевич не стал помогать своим подчиненным в сложной обстановке. Видимо, об этом он даже не подумал. Ограничился тем, что понес свою тушку к позициям. А Васков и рядовой Соснин оказались вынуждены не только приспособиваться к переноске пулемета, но и как-то две коробки с патронами и наспех набитую ленту под мышки хватать. Да-да. Именно перетаскивание пулемета. Станок у него оказался тоже поврежден, что укрылось от Васкова поначалу. И катить, а точнее, волочить по земле его можно было только в качестве эрзац-плуга. Впрочем, после снятия покореженного щитка масса оружия ощутимо снизилась.

- Хоботов! - окрикнул прапорщика Максим.

- А? - откликнулся он, словно из забытья.

- Не хотите помочь своим бойцам? Возьмите у них патроны. Тогда они смогут скорее донести пулемет. Или вы хотите, чтобы они споткнулись и что-то сломали?

- Ах! Господи! Точно! - спохватился Лев Евгеньевич и, накинув себе на плечи ленту, схватил две жестяные коробки с патронами.

- Вот ведь дивное создание... - тихо, буквально себе под нос буркнул поручик, глядя ему вслед. Однако ближайšie солдаты услышали и заулыбались.

Сам же Максим Федорович занялся приведением в боеготовность оставшихся у него солдат. Семеро рядовых и ефрейтор Сапрыкин. Охранение поручик решил стянуть в ударный кулак, чтобы хоть как-то повысить слишком уж жидкую огневую мощь подразделения.

И вот из-за перелеска появился передовой дозор немцев.

Три солдата шли довольно беспечно. Но оно и понятно, судя по обстановке – русский корпус откатился далеко на юг, а отставшие бойцы пытаются его догнать или бесцельно прячутся по окрестным кустам. В любом случае для целой роты они угрозы не представляют...

Максим сжимал в руке пистолет Люгера, прислонившись к обломкам двуколки, заброшенной взрывом на линию траншей. С фронта его было не видно, а он сам мог в щели между досками наблюдать за бойцами противника. Вот в зону видимости входит один немец передового дозора. Второй. Третий. Дистанция – метров двадцать – двадцать пять. Не больше.

– Огонь! – громко кричит поручик, вскидывая пистолет, перехватывая его двумя руками и начиная стрелять. Быстро. Как на тренировке в тире. Благо что война только началась и у личного состава местных воинств еще нужных рефлексов не появилось. Вот и эти трое, вместо того чтобы упасть, словно подкошенные, при первом же звуке опасности сдуру обернулись к Максиму. Но ровно затем, чтобы получить по пуле.

Где-то фоном вдарило разом восемь винтовок, всадив примерно с сотни метров пули в противника. И мгновение спустя застрекотал пулемет, выпуская, как и было оговорено, длинную очередь прямо в эту колонну. А солдаты, попавшие под столь убийственный прием, посыпались на землю словно кегли после удачного броска. Кто-то убитый, кто-то раненый, а кто-то и за компанию.

Максим дозарядил магазин своего Люгера и осторожно выглянул. И тут же нырнул обратно. А там, где только что мелькнула его голова, встали два земляных фонтанчика. Пришлось спешно переползать на новую позицию.

Стрекот прекратился. Пулемет расстрелял ленту и теперь расчет в спешке заряжал вторую.

Редкие хлопки выстрелов с позиций разбитой пулеметной роты ввели немцев в заблуждение. И они с совершенно портовыми матерными репликами ломанулись в атаку. Нет, ну могли, конечно, и что-то уставное прокричать, если бы за ними командир какой высокий наблюдал. А так... по старинке выдали универсальный боевой клич солдат всех стран и народов в формате грубой матерной

импровизацией. Очень уж она от страха помогает.

Вскочили. Громко обозначили свое присутствие. Пробежали шагов двадцать. И пулемет застрекотал вновь. Только не короткими очередями, как требовал поручик. А снова выпустил длинную, плотную очередь, буквально скосившую эту атаковую волну.

Когда пулемет снова замолчал, Максим выглянул и заметил, как по дороге в сторону перелеска убегало человек десять немцев.

– Добивай! Чего ждете?! Уйдут же! – рявкнул он своим бойцам, и винтовки энергично захлопали в неумелых руках плохо обученных солдат.

Впрочем, все равно трех положили. Дистанция уж больно невелика оказалась.

Максим еще раз, уже более вдумчиво, осмотрев поле боя, перебрался ближе к сбившимся в кучу бойцам и приказал:

– Выбегаем вперед и пригнувшись двигаемся в сторону маршевой колонны. Раненых и выживших – добиваем штыком или пулей. Увидите тело, вроде мертвое, не поленитесь – ткните штыком. Всем все ясно?

– Да, – нестройным хором ответили солдаты.

– Повторите, – потребовал поручик. И только после того, как каждый боец смог кратко объяснить поставленную ему задачу, отдал следующий приказ: – Пошли! Пошли! Пошли!

И первым выскочил на бруствер. В левой руке Люгер, в правой – винтовка Мосина с примкнутым штыком, взятая как легкое копьё. Так и стрелять сподручно, и колоть.

Ефрейтор с солдатами побежали за ним.

Дальше последовала не самая этичная сценка. Далеко не все немцы оказались убиты или тяжело ранены. Хватало и тех, кто пытался сдаться в плен или даже отстреливался. Так что чисто сработать не удалось. И, как следствие, тяжелые

для такого небольшого отряда потери. Двое «двухсотых». Первого сразу наповал уложили, а второй скончался через пару минут от обильной кровопотери. С перебитыми артериями в таких условиях долго не живут.

Зато удалось положить целую пехотную роту. Осознание чего подняло боевой дух бойцов на совершенно невероятный уровень. Разбитые, пробирающиеся из окружения солдаты психологически чувствовали себя очень и очень скверно. Подавленно. Ощущали себя даже не вполне полноценными. А тут такой тонус... допинг... Они прямо воспрянули духом.

- Ты, ты и ты, - произнес Максим солдатам, - выступить в дозор.

Остальные занялись сбором трофеев.

Подбежал Васков.

- Ваш благородие, - козырнул он.

- А где Хоботов? Ты его там одного оставил?

- Лев Евгеньевич приказал мне прибыть в ваше распоряжение, а сам остался у пулемета. Третью ленту зарядил и готовится прикрывать. От него все равно тут толку мало.

- Хорошо, - чуть помедлив, кивнул поручик. - Распорядись, чтобы ему патронов россыпью отнесли. Пусть пока сидят с вверенным ему солдатом и ленты набивают. И да - у бойцов патроны тоже собери, пусть их тоже в ленты набьют. Ты говорил, их семь штук есть. Вот пусть и набьет, сколько сможет.

- А стрелять чем же солдаты будут? - искренне удивился Васков, но тут же поправился: - Виноват. Есть передать боеприпасы бойцов.

- Немецкие винтовки возьмем. С нашими патронами сам видишь - не все ладно. А пулемет нам нужен. Без него кисло нам будет. Понял?

- Так точно, ваше благородие.

– Хорошо. Исполниай.

В этот раз Максим даже и не пытался отлынивать. Дорога была каждая минута. Те немцы, что смогли убежать, наверняка сообщат в ближайшую комендатуру о засаде. Или патрулю. Или еще кому. В любом случае был приличный шанс того, что очень скоро по их душу придут.

В принципе, можно было бы и повторить засаду. Но Максим не тешил себя иллюзией о том, что немцы дважды в одну и ту же ловушку попадутся. Рядовые, убежавшие с поля боя, безусловно, могли многого не разглядеть и не понять. Но офицеры-то явно не дураки. Разберутся в сути вопроса и постараются зайти с другого фланга или еще как. Вышлют разведку, в конце концов. Да и, если честно, патронов для пулемета оставалось не так уж и много. Очень вряд ли немцы тут теперь маршевой колонной пойдут, а выстригать их из кустов да кочек – слишком затратное дело по расходу боеприпасов.

Глава 4

26 августа 1914 года, где-то в Восточной Пруссии

Увы, разжиться транспортным средством не удалось. Просто потому, что сводная маршевая рота таковых не имела. Судя по всему, ее перегоняли на небольшое расстояние. Не больше суточного перехода. Фронт-то хоть и откатился на юг, но не так и далеко.

Поэтому, вместо того чтобы прихватить всего необходимого в обозе и быстро «сделать ноги», пришлось возиться с трупами.

Под «чутким» руководством поручика бойцы его отряда нацепили немецкую сбрую с разгрузочными плечевыми ремнями под боеприпасы. Прицепили штык-ножи на пояс, определив туда же малые пехотные лопатки и кобуры с пистолетами. Да-да. С пистолетом. В маршевой роте было достаточно офицеров и унтеров, чтобы обеспечить весь небольшой отряд Максима пистолетами Люгера, унифицировав тем самым боеприпасы. Мало того. Себе он прихватил еще один, запихнув в карман галифе. Оно точно лишним не будет.

Второй бинокль, пять карманных часов и карта местности наилучшим образом дополнили благостную картину.

Времени отремонтировать станок пулемета не было. Поэтому пришлось разобрать и тащить на горбу, по частям. Да, можно было сделать волокушу и решительно облегчить транспортировку оружия. Всяко лучше, чем на горбу тащить. Но Максим на это не пошел. Слишком уж отчетливый след за ними останется. Не найти их сможет только совсем ленивый и слепой.

Когда закончили, Максим провел краткий ликбез для личного состава по пользованию новым вооружением. В принципе, «девяносто восьмой Маузер» был предельно близок по эксплуатационной механике к «трехлинейке». Будучи даже проще, так как вместо предельно бестолкового предохранителя была вполне интуитивно понятная вещь. Но показать и кратко объяснить пришлось. И дать пострелять немного, расстреляв по две обоймы. Заодно и заряжать их поучились. Да, крайний эрзац-вариант. Но каждая минута была на счету.

С пистолетами дела обстояли еще хуже. Максим просто раздал их, и все. Потом при случае обучит. Ну или сами разберутся, если жить захотят.

Собрались. Вынули затворы у всех оставляемых винтовок с карабинами и, спрятав их в ближайшем овраге, выступили. Нагруженные, разумеется, как мулы.

Все лишнее было отброшено.

Максим планировал действие своих бойцов из расчета автономности в день-два, не больше. Поэтому поручик нагрузил их преимущественно боеприпасами.

– Максим Федорович, – тихо спросил Хоботов на марше. – Вы позволите вопрос?

– Конечно, – кивнул поручик, дожевывая сухарь на ходу. Задерживаться было слишком опасно.

– А зачем вы приказали у убитых собрать деньги? Они ведь нам не нужны для боя.

– Как не нужны? – удивился поручик. У него на эту наличность были кое-какие планы, но распространяться о них он не желал. Да это, по большому счету, и не требовалось, так как у Максима на этот счет имелась вполне реалистичная отмазка.

– Но зачем? – продолжал настаивать Хоботов.

– Деньги, мой друг, – это тоже оружие. Сейчас нам везет. Мы поймали в засаду противника. А может статься, что придется отходить огородами. И тогда нужно будет не силой, а деньгами решать сложности. Те же продукты покупать у местных.

– Вы думаете, что германские обыватели нам станут что-то продавать? – ошарашенно переспросил прапорщик.

– А почему нет? Для них это будет неплохой альтернативой безвозмездной конфискации. Грабежа то есть. И сдавать нас после этого им окажется невыгодно. Ведь мы, в случае если нас возьмут в плен, можем рассказать о содействии известных торговцев. Поэтому есть очень немалый шанс, что все обойдется тихо и спокойно. Деньги, мой друг, что патроны. Только лучше. Как заметил отец Александра Македонского, осел, груженный золотом, возьмет любую крепость.

– Да как же так-то...

– Жизнь, она штука не простая и весьма далекая от идеалов, – усмехнулся Максим и, закинув остаток трофейного сухаря в рот, выдвинулся чуть вперед, показывая, что разговор закончен.

Жрать хотелось уже основательно. Вот и перебивался как мог. Как, впрочем, и остальные. Сбавлять темп не хотелось. До вечера еще было время, и он не хотел его тратить зря.

Лев Евгеньевич охотно поделился сведениями о временном расположении штаба дивизии, откуда утром он и «отступал». Руководство с частью персонала выехало вперед, поближе к войскам, заняв чей-то загородный особнячок. А вспомогательные службы еще подтянуться не успели. Туда отряд и двигался, планируя до ночи взять это здание и отдохнуть с комфортом. Благо что вряд ли

там большое количество войск...

Часовой переход прошел тихо и спокойно.

Два коротких пятиминутных привала. Десять смен пар носильщиков для пулемета. И вот они вышли к особняку умеренных размеров, стоявшему в некотором отдалении от леса. С одной стороны к нему примыкал сад из фруктовых деревьев. С другой – поле.

– Хоботов, Васков, – тихо позвал поручик и, когда те отозвались, продолжил: – Возьмите двух бойцов, пулемет и занимайте позицию вон там. Ваша задача – пошуметь немного и отсекают всех, кто попытается убежать. Старайтесь перемещаться. Выстрелили один-два раза из винтовки. Переползли на несколько шагов в сторону. Еще раз выстрелили – еще переползли. Понятно?

– Так точно! Пошуметь, перемещаться и отсекают, – ответил Васков, а прапорщик лишь кивнул.

– Из пулемета поначалу не стреляйте. Бейте из винтовок. Пусть пулемет сюрпризом для них будет. Ждите удобного момента. Если там больше войск, чем мы ожидаем, то они пойдут в атаку. Могут пойти. Вот и ловите их на этом рывке. Как выбегут толпой, так и накрывайте.

– Ясно, – кивнул Васков.

– Видите вон ту конструкцию? – указал Максим на грузовик, стоящий во дворе. Бортовой, архаичный «Даймлер Мариенфельд» с цепной передачей крутящего момента на ось. Деревянная закрытая кабина, открытый бортовой грузовой отсек. Практически классика. Разве что колеса дурацкие. Модели, разумеется, наш герой не знал, но это и не имело ровным счетом никакого значения. Как-нибудь разберется с управлением. – Это наш билет в партер. В Высшую лигу. По нему по возможности не стрелять. Захватим его – сможем устроить немцам настоящие проблемы. Ясно?

– Предельно, – ответил Васков.

– Хоботов, а ты что молчишь?

– Я понял вас, Максим Федорович. Пошуметь, стреляя преимущественно из винтовок, перемещаться, отсекал бегущих, в автомобиль не стрелять. Это ведь автомобиль?

– Разумеется. Грузовой автомобиль. Настоящая находка для нас.

– Вы считаете?

– Если все выгорит – сами все увидите. И разбитая маршевая колонна покажется вам детским лепетом, – произнес поручик с кровожадной улыбкой, от которой Хоботова передернуло, но уже не так сильно, как раньше.

– Сапрыкин.

– Я!

– Возьмешь одного солдата и займешь позицию вон там. Твоя задача – прикрывать позиции пулемета с фланга. Ну и огнем их поддерживайте, если потребуется.

– Есть прикрывать пулемет!

– Остальные идут со мной.

– Что вы задумали? – спросил прапорщик, глядя на него в упор.

– Будем штурмовать особняк, – невозмутимо пожав плечами, ответил Максим.

– Втроем? Вас же трое будет!

– Предлагаете оставить солдат с вами, чтобы фронтальный бой был живее?

– Нет! Нет! – замахал руками Хоботов. – Я не о том! Ведь их так мало! Как вы штурмовать-то станете?

– Вот и посмотрите...

После завершения согласований поручик и двое самых крепких солдат отошли чуть в сторону по перелеску, чтобы подготовиться к рывку по саду.

В правой руке у каждого была малая пехотная лопатка, в левой – пистолет. В принципе, стрелять с левой они не умели. Но для работы в упор – вполне сгодится. Зато топором эти селяне привыкли орудовать с детства, так что удар будет что надо. Максим надеялся, что до этого не дойдет, но все одно – подготовился к разным вариантам.

Бух! Бух! Бух!

Ударили винтовки звена Хоботова.

Поручик даже глазом не повел. Он внимательно в бинокль изучал диспозицию. Было любопытно – оставят немцы кого-нибудь караулить это направление или нет.

Вон двое спрыгнули с яблонь и, подхватив винтовки, побежали к особняку. Еще один выскочил из кустов, где, вероятно, справлял нужду, и тоже бросился к месту боя.

– Хорошо, очень хорошо, – отметил поручик, заметив, как в окне мелькнула фигура, махнувшая призывно в сторону сада. А потом скрылась из виду. – Пошли, – скомандовал Максим и в полусогнутом состоянии побежал к намеченным им посадкам смородины. Оба бойца последовали его примеру...

И вот наконец особняк. Дошли легко.

Перестрелка с другой стороны шла своим ходом. Мерно, неспешно и, вероятно, безрезультатно в обоих случаях.

Ну вот и задняя дверь. Раздалась короткая пулеметная очередь, вызвавшая у поручика кривую усмешку. Не удержались. Ну да ладно.

Максим занял позицию рядом с дверью с пистолетом на изготовку. Рядовой резко ее открыл, отскочив. Несколько мгновений тишина. Поручик прошел скользящим движением мимо дверного проема. Пусто. Вошел внутрь.

Медленный проход по коридору с контролем комнат. Чисто. Все разгромлено, но людей нет.

Дверь в прихожую первого этажа.

Поручик осторожно выглядывает. Двое. С винтовками. Плюс унтер с биноклем. Еще один рядовой лежит на полу. Видимо, убили.

Плавным движением Максим вступает в комнату. Пистолет держит двуручным хватом. Работает как в тире по удаленным на разное расстояние мишеням.

Бам! Бам! Бам! Три пули – три попадания в тушки.

Вскрик. Неуверенное падение. Бам! Бам! Добавил он одному из солдат. По силуэту. Слишком уж неуверенно тот падал.

Готовы.

Подходит к окну и делает взмах красным платочком, не высываясь из него. Условный знак – по этим окнам не стрелять.

Сменил магазин в пистолете. В первом было еще три патрона, но этого мало. Слишком мало. Рядовой занял позицию напротив лестницы. Второй, как и оговаривали, провел контроль холодным оружием, добивая. Мало ли? Риск слишком велик, чтобы подставлять спину подранкам. А поручик, пользуясь обстановкой, спешно набил неполный магазин пистолета. Кто его знает, как там наверху будет.

Один из бойцов остается караулить спуск в подвал. А Максим со вторым выдвинулся наверх. Там тоже стреляли. И матерились. Слова незнакомы, но с такой экспрессией вряд ли там рассказывают любовные похождения Дон Жуана.

Выглянул.

Тут интереснее. Германский офицер, унтер и трое солдат. Повезло. Они увлеченно стреляли по лесу. Из-за чего, видимо, и пропустили скоротечную

схватку внизу. Даже не насторожились. Видимо, уши заложило от стрельбы из винтовок в помещениях.

Максим достал второй пистолет, сняв его с предохранителя и осторожно заткнув за пояс. Так, чтобы легче выхватывать. Первый перехватил двойным хватом. Несколько раз глубоко вдохнул. И, сделав шаг в помещение, открыл огонь.

Бам! Люгер в его руке сделал последний выстрел и ушел на затворную задержку. Не тратя ни одного лишнего мгновения, Максим выронил его и выхватил второй, тот, что за поясом был. Бам! Бам! Бам!

Поставил он финальные точки.

Втянулись в комнату. Помахали красным платком. Провели контроль поражения, добивая.

Установилась удивительная тишина.

Максим осторожно выглянул в окно. Во дворе – десять трупов: один унтер, остальные рядовые солдаты. Прилично! А он ведь еще подумал, что не сдержались, саданули из пулемета для острастки. Оказалось, зря дурное удумал. По уму ребята поступили. Всадили очередь в плотную кучу атакующих, пока те еще не успели рассредоточиться – прямо на выходе из особняка. Автомобиль целый, а за ним прятался испуганный водитель. Вон – трясется как осиновый лист, прижавшись к земле в ближайшей канаве. Почему водитель? Так одет характерно. В те годы эти ребята любили покрасоваться. Как-никак – штучный товар.

На дороге, ведущей к особняку, лежали еще три тела.

Итого выходило восемнадцать рядовых, три унтера, офицер и водитель. Оставался еще подвал, но вряд ли там кто-то есть. Разве что пленные. Восемнадцать рядовых – это стандартная секция германского пехотного взвода тех лет. Видимо, ее и придали офицеру для изъятия документов из разгромленного штаба дивизии. И автомобиль. Очевидно, сведения в штабе корпуса требовались срочно, раз выдали целый грузовик. Не такая уж и редкость по тем временам, но консервативная германская армия предпочитала по старинке обходиться гужевым транспортом. Пока во всяком случае...

Глава 5

26 августа 1914 года, где-то в Восточной Пруссии

После захвата особняка события пошли как-то скомканно.

Взятие в плен шофера. Подтягивание звена Хоботова с пулеметом. Осмотр пустого подвала. Допрос водителя.

Оказалось, что один из убитых унтер-офицеров был переводчиком. Это и объясняло их странное количество. Видимо, его выдали в усиление отряду, которому требовалось изымать документы на русском языке.

После допроса план со спокойным отдыхом накрылся медным тазом.

Водитель рассказал, что колонна с пленными отошла всего час назад. Из офицеров там был только один полковник. Да и тот – тяжело раненный. Его оставили при эвакуации свои же, не успев вывезти.

– Сколько всего пленных?

– С полковником?

– Да.

– Двенадцать человек.

– А конвоя?

– Шесть кавалеристов.

Началась спешная подготовка новой операции. Бойцы, конечно, немало устали, но не возражали. Третий успех за день поднял их боевой дух до небывалых

высот. Причем в этот раз обошлось вообще без потерь.

Пока Хоботов и Васков осматривали особняк, собирая патроны и прочие полезные вещи, поручик занялся грузовиком при активном содействии водителя. Ну а куда тому деваться-то? Тем более что он оказался чехом и вообще военным не являлся. Находился в Пруссии по коммерческим делам. Вот тут-то его грузовик и реквизируют на военные нужды, не принимая никаких возражений. Вместе с ним.

Ничего сильно хитрого Максим решил не делать. Просто стянул верх кабины крепкой веревкой в несколько витков. А потом, демонтировав колеса с пулеметного станка, закрепил это огневое средство на крыше. Вростяжку. Вышел натуральный «колхоз», но держалась эта конструкция относительно неплохо и позволяла вести огонь в передней полусфере. Охватывая те самые сто двадцать градусов, которые давал станок Соколова.

Иными словами, получился классический такой пикап с пулеметом в духе популярных бомж-решений стран Латинской Америки, Африки и Ближнего Востока. Самого кустарного вида, кстати. Да, для линейного боя в условиях начала XX века – средство он представлял собой совершенно непригодное. Но при действии в тылах и на коммуникациях получалась очень даже полезная штука. А главное – неожиданная.

Собрали все ценное. Поели нормальной горячей еды на кухне, которую немцы готовили для себя. Покормив, кстати, и водителя. Ну а что? Не звери же они. Да и нужен он им.

Закинули в грузовик все собранные патроны, пистолеты и винтовки, а также германскую «сбрую» и обувь. Мало ли пленников разули? Или их обувь пришла в негодность. Поставили несколько фляг с горячей едой. Ведерко вареной картошки. Несколько бутылок алкоголя. Сумку с деньгами, часами и прочими ценными вещами. А потом, подпалив особняк, отбыли с чистым сердцем. Оставлять документы дивизии немцам Максим категорически не желал.

Чех по-русски не говорил. Точнее, почти не говорил и объясняться приходилось через пень-колоду. Из-за чего Максим чувствовал себя прорабом из «Нашей Раши», напряженно пытающимся понять, зачем его двум подопечным понадобилась третья «раскривушка». Но выбора не было. Да, его персональный

«военный философ» мог вполне сносно беседовать с водителем на немецком языке. Однако доверия Хоботову мало. Очень уж сублильный духом он был пока. Что там дальше будет – надо посмотреть, а сейчас же поручику пришлось провести краткий инструктаж бойцов и полезть на переднее пассажирское сиденье в кабину. К чеху. Контролировать водителя да за дорогой поглядывать.

Разместившись, поручик занялся заполнением боевого журнала. Время уходит – можно и подробности позабыть. А ему только в штабе дивизии удалось наконец-то добыть подходящую тетрадь и пишущие средства. Вот и сел «бумагу марать», заноса в журнал боевой путь отряда и сопутствующие сведения. Да внимательно следя, чтобы язык был не только предельно сухим и лаконичным, но соответствовал местной орфографии. Короткие рубленые фразы. Числа. Лаконичные пояснения. Без эпитетов и фигур речи. Только факты. Только hardcore.

Писать было неудобно из-за покачивания грузовика на ухабах, но он справлялся. Благо что карандаш – не перьевая ручка. Клякс не оставляет.

Так и ехали. Полчаса или около того.

– Ваше благородие, – громко произнес Васков, постучав по кабине. – Кажись, догнали.

Максим посмотрел вперед.

– Они? – спросил он у чеха, показывая на идущих впереди людей. Тот яростно закивал, подтверждая сведения. Догадаться о цели вопроса, очевидно, было непросто.

Заприметив знакомый автомобиль, конвоиры согнали пленников с дороги. А те и рады. Как-никак – повод передохнуть. Казалось бы, только утром попали в плен, а уже вон какие подавленные и осунувшиеся. Положили носилки с полковником на землю и сами сели, дабы дух перевести.

– Тормози, – громко и отчетливо произнес Максим чеху, когда до группы было метров пятьдесят. Тому уже Хоботов успел растолковать значение этой команды.

Грузовик натужно заскрипел тормозами и, покачнувшись, остановился метрах в двадцати – двадцати пяти от группы людей.

– Огонь! – крикнул Максим и, высунувшись из кабины с запыленным стеклом, начал стрелять из пистолета Люгера. С одной руки, потому что нормально ухватиться было невозможно.

Бух! Бух! Бух!

Поддержали его винтовки с грузовика. Всадники, возвышающиеся над сидящими пленниками, были отличными мишенями. Поэтому на землю они полетели легко и просто. Даже не успели выхватить свое оружие.

Пленники, не будь дураки, ухватили лошадей. Да и разглядели они своих, когда те высунулись и начали стрелять. По форме. Да и крики знакомые.

Максим открыл переднюю дверь и достаточно сноровисто вылез на землю.

– Кто старший? – окрикнул он пленников.

– Я, – тихо произнес тяжело раненный полковник с носилок.

– Здравия желаю, – бодро произнес Максим, подойдя к штаб-офицеру так, чтобы ему легко было его видеть. – Как ваше самочувствие?

– Не представитесь? – удивился полковник, едва заметно выгнув бровь.

– Не имею возможности. Контузия. Очнулся в траншее, засыпанный землей. Ни имени своего не помню, ни родителей, ничего. Зовут Максим. Наверно. На портсигаре вычитал. Отчество неизвестно, но, если пожелаете, зовите Федоровичем. Думаю, оно вполне сойдет.

– Документы?

– Увы... – развел руками поручик.

Полковник промолчал, внимательно изучая поручика. А тот продолжил:

– Придя в себя, принял командование над нижними чинами и прапорщиком Хоботовым.

– Хоботовым? Он тут? – удивился полковник, выдавая знакомство с ним.

– Да, господин полковник, – подтвердил Лев Евгеньевич, подходя ближе.

– Вступили в бой с противником, – продолжил Максим. – Перебили трофейную команду. Откопал и отремонтировал станковый пулемет. Уничтожили из засады маршевую роту немцев. Отбили штаб дивизии. Автомобиль – трофей.

– Что со штабом? – тихо, но напряженно спросил полковник.

– Приказал сжечь, чтобы документы не попали в руки к немцам. Вывести не имел возможности.

Полковник перевел взгляд на Хоботова и тот кивнул, подтверждая слова поручика. Вновь посмотрел на Максима. Внимательно прошелся по его внешнему виду, буквально сканируя каждый шов формы. Потом взглянул в глаза и медленно произнес:

– Максим Федорович, принимайте командование над моими людьми.

– Есть, – козырнул поручик и начал отдавать распоряжения.

Носилки с полковником загрузили в грузовик. Пятеро бойцов сняли с убитых кавалеристов сбрую и оружие, сели верхом. Те, кто из селян и хорошо верхом держался. Остальные набились в грузовик. Превратив его сразу в этакую пародию индийского общественного транспорта. Разве что на подножках не стояли и на крыше не сидели.

Уже смеркалось, поэтому мудрить не стали. Просто отъехали в сторону на несколько километров и, съехав с дороги в небольшой перелесок, встали там лагерем. В темноте автомобиль, стоящий среди деревьев, не разглядеть. А костер можно было развести в небольшом овраге. Там же подогреть еду и

вскипятить воду.

– Максим Федорович, – тихо позвал поручика полковник. Так и не представившийся, к слову.

– Слушаю.

– Что делать дальше думаете?

– Злодействовать, – улыбнувшись, ответил поручик. – Как я могу к вам обращаться?

– Андрей Петрович.

– Очень приятно. Андрей Петрович, судя по всему, основные силы корпуса генерала Артамонова организованно отходят с боями на юг. В лучшем случае. В худшем – беспорядочно отступают. Поэтому прорываться к нему я смысла не вижу. Планирую прокатиться по тылам и постараться сорвать немцам снабжение. А если повезет, то оттянуть на себя батальон-другой.

– Дерзко.

– Не вижу другого способа замедлить наступление немцев. Что толку нашим от десятка-другого солдат на передовой? А здесь, в тылу, на грузовике да с пулеметом – мы представляем для немцев несоизмеримую опасность.

– Дерзко, – тихо повторил полковник, а потом добавил с едва заметной улыбкой: – Но я одобряю.

– За Японскую войну? – спросил Максим, кивнув на орден Святого Владимира IV степени с мечами.

– За Мукден, – кивнул полковник, уточняя.

– В штабе мы нашли Анненскую саблю. Не ваша?

Так разговор и завязался. Оказалось, что поносило Андрея Петровича изрядно. Все больше по Дальнему Востоку, где он встретил XX век. Боксерское восстание. Взятие Пекина. Занятие Порт-Артура. Русско-японская война. Революционные события. Подавление мятежей. И вот – шальная пуля. Глупое ранение. Случайное. Он бы еще повоевал...

За разговором полковник и уснул. Сказались и общая слабость, и нервное напряжение. А поручик, проверив, как унтер-офицеры помогают бойцам освоиться с новым вооружением, засел за карту местности. Нужно было придумать хоть какой-то план действий как для себя, так и для отряда.

Основная сложность заключалась в том, что, собственно, Максим был в этом мире чужим, всецело инородным элементом. И если сейчас он хоть как-то вписывался в обстановку, то переход в распоряжение частей Русской Императорской армии радости ему не доставит. Документов нет. Знакомых нет. Связей нет. Ничего нет. Он никто и звать его никак. Конечно, боевые заслуги могут и зачесть, признав офицером и выпустив в войска. Если повезет. Ведь наверняка будут проверять. Конечно, НКВД здесь нет. Но все равно. Он прекрасно знал о той шпионской истерии в Российской Империи, что имела место в годы войны. Так что у него есть все шансы попасть как кур во щи. Но даже если выкрутится, дальше-то что?

Максим не испытывал иллюзий и прекрасно понимал, что если его не убьют в ходе боевых действий, то уж жернова революции и последующей гражданской войны перемолотят только в путь. Все эти высокие идеи свободы, равенства и братства были ему чужды чуть более чем полностью. Для него они звучали как бред восторженных юнцов и экзальтированных идеалистов. Да и к демократии он относился весьма прохладно. А значит, шансов пережить ту кровавую кашу, которая грядет, у него практически нет.

Из чего он делал простой и незамысловатый вывод. Нужно просто исчезнуть. Немецкого языка он не знал. Однако это, на его взгляд, не должно было помешать раствориться на просторах Германии. Взять и в нужный момент исчезнуть, прихватив с собой трофейные пистолеты, деньги и прочие ценности. Дойти до нейтральной Швейцарии. Нелегально перейти границу. Перейти во Францию или Италию. И уже оттуда перебраться в более спокойные места. Благо что английским языком он худо-бедно владел.

Но как это сделать?

Кроме того, нарисовалась еще одна проблема. Вот так сидя возле костра и анализируя день, Максим даже не смог объяснить, зачем он бросился спасать пленных. Это было ему невыгодно. От маленького отряда легче избавиться, просто подставив под убой. А тут раз – и взвалил себе на плечи еще дюжину людей. И с каждым новым человеком бросить отряд и начатое дело становилось все сложнее и сложнее. Чисто психологически. Он ведь видел, что люди доверились ему. Даже освобожденные пленники, на которых уже успел распространиться боевой дух и запал изначального ядра отряда. И вера в своего командира. Странного, но сумевшего достичь значимых результатов в кратчайшие сроки.

Поручик хмуро потер лицо, поймав себя на мысли, что ему стыдно смотреть в глаза своим людям. Просто стыдно. Они ведь ничего не знали и верили ему. Чтобы хоть как-то подавить это чувство, Максим встал и отправился проверять посты, стараясь отвлечься...

Глава 6

27 августа 1914 года, где-то в Восточной Пруссии

Утро наступило внезапно.

Максим, не выспавшийся и злой, потянулся и принялся за дела. Требовалось навести марафет: умыться, побриться, надеть уже почищенный китель. Кем-то. Пока он чистил морду лица. Ну а что? Командир отряда он или где?

Полковник же, также проснувшийся с первыми лучами солнца, внимательно за ним наблюдал. Очень уж он казался ему странным поручиком. Да – решительный, уверенный в себе малый. Но насквозь неправильный. Хотя это и не бросалось в глаза явно. Однако какой-то едва заметный флер присутствовал постоянно.

В чем? Сложно сказать.

Что-то проскакивает в его речи такое, что цепляло полковника. На первый взгляд безвредные словечки да обороты, но насквозь незнакомые и непривычные. Из Максима Федоровича со всех щелей выпирала удивительная начитанность и широчайший кругозор, непривычный для пехотного поручика. Оно было и не удивительно. Учебная программа в рамках средней общеобразовательной программы в конце XX века на голову превосходила ту, что имела в гимназиях начала того же века в России. И по совокупным часам, и по объему сведений. Разве что баланс предметов иной. А ведь у Максима был еще полный курс высшего военного училища, то есть вуз за плечами. И там тоже минувший век оставил самые неизгладимые следы интенсификации и акселерации всего и вся. Ну и увлечения... Поэтому, даже всеми силами сдерживаясь, он все равно светился как новогодняя елка в ночи. Что не могло укрыться от взгляда ни Васкова, ни Хоботова, ни тем более полковника.

Впрочем, странностей и других хватало.

Андрей Петрович в бытность свою видел выступление силачей в цирке. И даже самого Ивана Максимовича Поддубного. Однако, когда поручик снял тельную рубаху для водных процедур, удивился. И было с чего. Максим ведь в той жизни не все время водку пьянствовал да по лесам бегал. Он и своей физической форме уделял немало времени. А культура и техника тренировок в начале XX века только-только делала свои первые, робкие шаги. Вот и удивился полковник разумно прокачанному и подсушенному телу поручика с рельефом мышц и кубиками пресса на животе. Прямо как на античных барельефах...

Бритье также привлекло его внимание. Максим мало практиковался в очистке лица от волос посредством опасной бритвы. Пробовал. Да. Но больше для того, чтобы покрасоваться на людях во время исторических маневров. А так он все больше электрическую или безопасную бритву предпочитал. Поэтому пользовался этим остро отточенным куском металла крайне осторожно... без должного многолетнего навыка.

В понимании же полковника поручик так неуверенно работал бритвой из-за того, что не привык сам себя обихаживать. По циркульням сидел или еще как решал это затруднение. Косвенно это подтверждала и манера поведения. Он слишком дерзок, слишком самоуверен, слишком спокоен. ТАК не ведут себя поручики из безродных и бедных семей. Но полковник, отслуживший при штабе первого армейского корпуса, его не только не знал лично, но и никогда не видел. А это было странно. Очень странно...

Через час после подъема отряд уже смог привести себя в порядок и позавтракать оставшейся со вчерашнего дня трофейной едой.

А потом начались занятия.

Спешить пока никуда не требовалось, так как ехать в государственные учреждения немцев до открытия – глупо. Вот Максим Федорович и постарался потратить время на изучение нового оружия: винтовок Маузера и пистолетов Люгера. Кто-то уже умел ими пользоваться. Кто-то нет. И если с винтовками все было относительно просто, то с пистолетами пришлось повозиться. Селяне не отличались особенной технической грамотностью и сообразительностью... даже в таких примитивных вещах...

Но время.

Никакого внятного плана действий на день поручик не придумал. Только общую стратегию. Для чего-то большего ему просто не хватало сведений. А значит, что? Правильно. Нужно было брать «языка» или как-то иным способом получать критически важную информацию. Поэтому свернув стоянку около семи часов утра, поручик выступил всем отрядом в сторону ближайшего городка. Там ведь наверняка имелась комендатура...

Грузовик медленно катился по довольно приличной щебеночной дороге. Следом на рысях двигалось пятеро всадников.

Проехали около пяти километров.

Окраина небольшого городка, еще не тронутого войной. Во всяком случае, разрушения визуально не наблюдаются. Да и блокпоста на дороге нет. А главное – люди. Они спокойно прогуливались по улицам, очень неторопливо поспешая по своим делам. На грузовик и пятерку вооруженных всадников они вообще никакого внимания не обращали. словно так и надо.

Максим удивленно покачал головой. И решил немного нахулиганить. Нет, ну а что? Ходят тут такие важные, словно цапли по болоту...

– Останови, – произнес он чеху, продублировав приказ жестом.

Автомобиль плавно встал, благо что скорость была копеечной. Чуть быстрее пешехода.

- Лев Евгеньевич, - обратился к нему поручик. - Видите вот эту благообразную пару? Спросите у них, может ли в городе где встать на постой батальон русской пехоты?

Хоботов удивленно повел бровью, но, совладав с собой, перевел.

Завязался диалог.

Не моргнув и глазом, Максим заявил прохожим, что он квартирмейстер, ищущий возможности разместить наступающие русские части.

- Наступающие? - немного удивился обыватель.

- Да, - кивнул Максим. Хоботов же продолжал переводить с отсутствующим видом. - К нам подошли подкрепления из Польши. Корпус генерала Франсуа разбит и уже через два-три дня русские полки будут в этих краях. Сами понимаете - издержки тяжелых боев. Нужно привести в порядок обозы, похоронить убитых, определить в лазареты раненых. Это время...

Обыватель оказался довольно толковым мужчиной и, не выдавая своего волнения, дал весьма ценные советы. К кому обратиться. Где посмотреть. Безусловно, не забыв в этом коммерчески значимом деле своих знакомых и родственников.

- А вы молодец, Лев Евгеньевич, - громко произнес Максим Хоботову, когда они закончили и поехали дальше. Разговаривать через фанерную кабину было сложно, но можно. Приходилось скорее перекрикиваться, чем переговариваться. - Я думал, что начнете возмущаться.

- Врать - постыдно, - веско ответил мрачный прапорщик.

- Но вы поняли, для чего я это говорил?

– Да чего тут понимать? Через час уже весь город будет знать о том, что тут скоро придут русские. А к вечеру – и вся округа. Но врать все равно скверно.

– Это не ложь! Это военная хитрость! – возразил Максим. – Представляете, что начнет твориться в штабе корпуса, когда до них дойдут эти слухи? А в штабе армии? Хо-хо!

– Но мы ведь отступаем!

– Вот именно! Это когнитивный диссонанс, мой друг, или разрыв шаблона мышления, если говорить попроще. Суть – удивление. Прямо по старинному учебнику военных хитростей одного древнего мудреца Сунь-Цзы. Впрочем, Суворов Александр Васильевич тоже не брезговал пользоваться этим нехитрым приемом...

Полковник же отмалчивался, погруженный в свои мысли. Ведь поручик опять, опять использовал слишком сложное и не профильное для обычного пехотного поручика словечко. Да к месту. Да так, что для него оно вроде как обыденно. А он, полковник, и слышать не слышал.

Отделение телеграфа.

– Тормози! Хоботов, Петренко, Сидоров – за мной. Остальным держать оборону. За старшего Васков, – крикнул Максим и лихо выскочил из все еще катящегося автомобиля.

Оправил форму и решительно толкнул дверь телеграфа.

Тихая и спокойная конторка. Чисто. Пол из крашенных, струганых досок самым тщательным образом выметен и вымыт. Небольшая стойка с двумя окнами для общения с оператором. Десяток стульев для ожидающих. Два простых стола с чернильницами, перьевыми ручками и бланками телеграмм.

Уверенной походкой с пистолетом в руке поручик прошел через приемное отделение и, открыв ногой дверь, вошел в техническое помещение.

– H?nde hoch! – громко произнес он. Уж что-что, а эту часть немецкого языка он прекрасно знал по старым фильмам.

Трое служащих вздрогнули и, увидев русского офицера, что-то залопотали.

Бах!

Выстрелил Максим в деревянную панель. Чтобы рикошетов не было. И повторил:

– H?nde hoch!

В этот раз сотрудники отреагировали очень резко. Даже несмотря на то что у одного из них имелся пистолет на поясе. А потом, следующие десять минут, они собственными силами демонтировали телеграфные ключи с аппаратов. Достали резервные из ЗИП-комплектов. И сдавали все это вместе с кассой, оружием и боеприпасами в заботливые руки рядового Петренко. Разумеется, составив самую опись реквизированного имущества.

– Проверь, – кивнул Максим Федорович Хоботову на эту бумажку, когда глава смены ее завершил и предложил подписать.

– Все верно, – кивнул прапорщик.

– Отлично, – произнес поручик и, подойдя к столу, размашисто на ней расписался.

Повернулся к жмущимся у стены служащим. Кивнул. И вышел. Следом за ним удалились оба бойца и прапорщик. И только после этого сотрудники телеграфа решились подойти к столу, на котором лежала опись с размашистой надписью «Балбесы» по-русски. С закорючками и прочими украшательствами. Увы, немцы не могли пока осознать всей курьезности ситуации. Русского языка-то они не знали. Для них эта надпись была просто подписью. Нашим же он ее не показывал... ни к чему это...

А дальше их ждала комендатура, которую пришлось брать с боем. Ну как с боем? Грузовик подъехал прямо к зданию. На посту стояли пара бойцов из ландвера. Они попытались вскинуть винтовки и вступить в бой, но были срезаны плотным

огнем с грузовика. Прямо на ходу. Даже из пулемета короткую очередь дали. Точность – так себе. Но пошумели славно. Продемонстрировав, так сказать, всю глубину и серьезность намерений.

Пока поручик распоряжался, организовывая оборону, пожаловал комендант с мертвенно-бледным лицом. Упитанный мужчина в возрасте. Форма подогнана – комар носа не подточит. Чисто выбрит. Ухожен. На поясе пистолет. Может, когда-то и воевал, но сейчас он выглядел больше как декорация.

– Хоботов! – крикнул Максим. – Переводи!

– В этом нет необходимости, – вкрадчиво ответил комендант.

– Прекрасно, – кивнул поручик. – Полагаю, что вы уже в курсе, что корпус генерала фон Франсуа потерпел тяжелое поражение и скоро здесь будут русские войска. Я квартирмейстер. И вы мне как пленный без надобности. Вы понимаете?

– Конечно. Прошу, – сделал комендант жест, приглашающий в здание, предварительно сглотив ком, подкативший к горлу. – В мой кабинет. Я все покажу и расскажу.

– Петров, Кулагин. Идете первыми. Пистолеты к бою.

– Есть! – козырнули бойцы, спрыгивая с грузовика и выхватывая из-за пояса Люгеры. Комендант от этого лишь поморщился, однако дергаться или возражать не стал.

Обошлось.

Кроме самого коменданта в помещении находились три престарелых инвалида «на бумагах», один перепуганный юнец, пара машинисток весьма страшной наружности и суровая, крепкая женщина в возрасте – уборщица. Всех их разоружили, забрав у самого коменданта пистолет, а у Гертруды Шмюльке отобрав швабру, очень уж опасной выглядела она в руках этой женщины. И от греха подальше заперли в дальней комнате, приставив постового.

Комендант оказался душкой. Очень мило пообщались. Кое-что Максим конфисковал. Кое-что позволил добавить в список конфискованного. Нет, ну ей-богу, не бесплатно же этот мужчина так старается? Любой труд нужно оплачивать. А разграбление склада комендатуры без вдумчивой помощи могло и затянуться.

Узнав правила игры, комендант проявил недюжинный энтузиазм и сноровку. До такой степени, что Максим Федорович даже про себя окрестил этого упитанного мужчину «Яндексом». Ибо находилось у него все. Нужен бензин? Пожалуйста. Автомобильные свечи? Не вопрос. Лекарства и перевязочный материал? И этого небольшой запасец имелся.

Но главное – в одном из сараев, выходящих во внутренний двор, стоял недавно реквизированный автомобиль Ford Model T Woody Pickup модели 1913 года. Свежак!

Когда поручик его увидел – залюбовался. Не автомобиль – игрушка. Небольшой пикап с деревянным корпусом прекрасно подходил для нужд отряда. Но главное – это крайне простое управление. Это же Ford T с его первой в мире коробкой-автоматом. На него в USA даже отдельные права давали. Дескать, Ford T уже доступен для управления, а до полноценного автомобиля еще расти и расти. Вот за «баранку» этого «пылесоса» вольноопределяющийся Синичкин и сел. Опыт в управлении авто у него, по его словам, был, но крошечный. Час наката или около того. Оставалось уповать лишь на то, что он разберется...

Глава 7

27 августа 1914 года, где-то в Восточной Пруссии

Дела в этом небольшом городке закончились только после того, как удалось нормально обработать рану полковника и перевязать его чистыми бинтами. И пока это делали, Максим смог не раз и не два чертыхнуться. Ругая себя за то, что сразу не глянул. Ведь Андрея Петровича фактически бросили умирать, даже не потрудившись по-человечески перевязать.

– Что вы такой хмурый? – поинтересовался полковник после того, как Максим с трудом снял перевязку. Андрею Петровичу даже пришлось зажать палку между зубами и терпеть. Отдирать присохшие бинты от раны – то еще удовольствие. А обезболивающих нет. Так – влили стакан водки и дали сочную, свежую палку на закуску.

– Вас же бросили умирать, да?

Тот нервно дернул глазом, но ничего не ответил.

– Не забудьте им в лицо плюнуть, при случае. Если бы мы сейчас не озаботились, вы бы почти наверняка воспаление подхватили бы. Они рану даже не пытались чистить. Лучше бы пристрелили. Смерть в горячке – поганая смерть.

А вот дальше выяснилось, что Максим тот еще садист. И, если бы бойцы не держали Андрея Петровича, пришлось бы выдавать тому порцию наркоза кулаком в ухо. Возможно даже не один раз. Ну а что прикажете делать? Осколком в рану занесло куски мундира. Да-да, именно крупным осколком, а не пулей, как сам раненый говорил.

Вот поручик и полез со свиным рылом в калашный ряд. Предварительно отмыв в спирте найденные у коменданта инструменты эскулапа. Не оперировать, конечно. Нет. Рану чистить. Заодно и до осколка дотянулся и смог его вытащить. Крупный он был и зашел неглубоко. Потом промыл рану. Стараясь кипяченым слабым солевым раствором вымыть из нее всякий мелкий мусор. Для чего приспособил банальную клизму, только маленькую. Не факт, что он все делал правильно. Не его профиль. Так – действовал больше по наитию.

Максим Федорович серьезно рассчитывал на то, что Андрей Петрович потеряет сознание от боли и можно будет уже спокойно все сделать. Однако не вышло. Полковник держался. Выл жутко, скорее даже больше мычал, чем выл. Грыз зажатую палку нещадно. Дергался, да так, что дюжие солдаты едва удержали. И даже под себя сходил комплексно. Но не отключился. Крепкая у него была психика. Поручик же с самым невозмутимым видом продолжал делать свое дело. Зачем? Да черт его знает. Видимо, сказывалась его слегка «протекающая крыша». Ведь полковник мог умереть от болевого шока. Но в тот момент Максим о том не думал... ему почему-то хотелось покопаться металлическими предметами в ране...

Завершил чистку. Швов накладывать он не умел, да и нечем было. Так что ограничился плотной повязкой. Влил в полковника еще один стакан водки. Не подействовало. Еще один. Отключился. Теперь можно было позволить солдатам привести тушку полковника в порядок и загружать ее в грузовик. Обмыть там и портки сменить.

- Вы учились на врача? - спросил поручика Хоботов, когда они уже погружались в грузовик.

- Нет. А почему вы спрашиваете?

- Вы... вы хоть понимали, что делали?

- Лев Евгеньевич, я же вам говорил уже - у меня контузией выбило из головы всю личную информацию. Знания, умения, навыки - остались. И прочая белиберда вроде песенок или анекдотов тоже. А где я учился - увольте, не знаю.

- Но...

- Увидел рану и понял, что нужно делать. Хотя уверенности в руках не чувствовал. Видимо, это не то, чем я обычно занимался. Но если бы оставил все как есть, у полковника началось бы воспаление, и он в течение нескольких дней скончался бы. Теперь, думаю, если повезет, выживет. Мужчина он крепкий, должен выдержать.

- Извините, - буркнул Хоботов и полез в грузовик.

Ну а что прикажете делать? Говорить, что видел операции только в видеозаписях? Что были знакомые, не раз и не два рассказывающие байки? Что он импровизировал, опираясь на свои невеликие знания и навыки? Зачем? Пусть лучше думают, что действительно что-то умеет, и надеются на лучшее. С этими мыслями поручик и пошел к кабине, где его поджидал чех.

Постояв немного возле кабины, Максим плюнул и приказал пятерке всадников тоже забираться в грузовик, бросая лошадей. Да, им удалось захватить еще один автомобиль. Однако очень уж был компактным Ford T. Да и носилки с раненым полковником занимали прилично места. Рискованно получалось.

Слишком рискованно. Вплотную просто. Но оставлять в отряде лошадей Максим не решился. Они радикально снижали скорость движения отряда. Он терял мобильность и маневр. Тем более что лошади даже рысью больше четырех-пяти километров идти не могут без чрезмерного утомления. Точнее, могут, но только в фильмах и книгах художественного содержания. В этом деле его уже просветили солдаты, призванные из села.

Поручик тяжело вздохнул и полез в кабину. Его ждали великие дела. Только уж больно все карикатурно пока получалось...

Без лошадей поехали намного бодрее. Благо что ровная дорога из уплотненного щебня вполне позволяла уверенно двигаться со скоростью в тридцать – тридцать пять километров в час, а местами и быстрее. Даже на этих колымагах.

Короткий рывок. И вот уже через какие-то четверть часа два автомобиля подъехали к временному полевому складу трофеев. Тот находился точно там, где его комендант и указывал.

– К бою! – крикнул поручик на подъезде.

Дистанция стремительно уменьшалась. Впрочем, приближение двух автомобилей обывателей этого временного склада не смущало. Вон один грузовик и так стоял чуть в стороне. И пара мужчин, приподняв его домкратом, возились с передним колесом.

– Тормози! – рявкнул Максим чеху, когда до противника оставалось шагов тридцать-сорок. А потом остальным скомандовал: – Огонь!

Застрекотал пулемет, дав длинную очередь по скоплению противника. Заухали винтовки. На этой дистанции можно было бы и из пистолетов стрелять, но солдаты, привычные к длинноствольному оружию, работали именно им.

Отряд Максима действовал очень дерзко и довольно глупо.

Ни разведки, ни рекогносцировки он не проводил. Сколько здесь было войск, знал только примерно и со слов коменданта. А вдруг тот соврал? Или не владел точными сведениями?

Немцы попытались отвечать. Но здесь были не молодые резервисты и не регулярные части. Сюда в охрану выдвинули ландвер, по возрасту уже почти что ландштурм, который оказался психологически не готов к такому столкновению. Они относились как раз к тому поколению, которое служило после Франко-прусской войны, а потому они не имели ни внятного боевого опыта, ни современных навыков. Крепкие служаки мирных дней... давно минувших и совершенно непригодных, неприменимых к окружавшей боевой обстановке.

Бой был скоротечным.

Расстреляв ленту с пулемета, Васков, а за агрегатом стоял именно он, принялся ее спешно менять. А остальной личный состав продолжил ухаживать винтовками, добирая визуально наблюдаемые мишени. Но только тех, кто бегал с оружием в руках.

– Пошли! Пошли! Пошли! – крикнул поручик.

Он уже сам к тому времени выскочил из грузовика и, прикрываясь капотом, вел огонь из пистолета. Чех же лежал на полу кабины и старался не отсвечивать.

Васков остался с одним бойцом у пулемета. Остальные стали стремительно продвигаться по территории полевого склада. Всех, кто оказывал сопротивление, убивали на месте, остальных сгоняли к грузовику и связывали. Впрочем, работники, возящиеся на территории склада, при первых же звуках перестрелки бросились кто куда. Здесь хватало гражданских. Так что зачистка носила больше формальный характер.

Удалось захватить и тех двух мужчин, что возились с колесом грузовика. Опять гражданские и опять реквизированный автомобиль. В этот раз поляк и немец. Причем поляк по-русски разумел.

– Так, Васков, – крикнул поручик, когда все затихло и пленных связали.

– Я!

– Пусть Йозеф грузовик немного повернет. А ты приготовься и контролируй вон ту дорогу, – указал он младшему унтер-офицеру. – Если появится кто –

подпускать шагов на сто и срезай очередь. Понял?

- Так точно! - произнес Федот Евграфович и повторил приказ.

- Исполни!

А сам, поставив еще двух бойцов в охранение, остальных увлек за собой потрошить добычу.

Что собой представлял такой временный полевой склад?

Это был своего рода накопительный пункт с предварительной сортировкой. Трофейные команды лазили по разбитым позициям и стаскивали сюда все, что было похоже на оружие, боеприпасы, амуницию и что-то хоть как-то похожее на полезное военное имущество. Даже шинели с сапогами, и те для первичной сортировки свозили сюда. Подводами преимущественно. Грузовиков в 1914 году в германской армии практически не имелось. Только с началом войны на местах их стали активно реквизируют для решения транспортных проблем.

Чего тут только не было... даже пушки с пулеметами! Но главное - гранаты!

О да! Гранаты!

Максим прекрасно знал о том, что в 1912 году на вооружение Русской Императорской армии поступила ручная граната Рдултовского, известная также как РГ-12. Увесистая такая жестяная коробка прямоугольной формы, да с крепкой ручкой и взрывателем с ударником и замедлителем. В общем - классика, пусть и невероятно уродливая на вид. Ну а что вы хотите от самых первых серийных конструкций?

Собственно, ручные гранаты массово на начало войны имелись только в русской и германской армиях. Одна беда - их никто и не воспринимал как средство для полевых сражений. Они находились на складах в крепостях и имелись у саперных подразделений, предназначаясь строго для крепостной войны. Грубо говоря, практику и тактику полевого применения гранат в годы Первой мировой войны и придумали. Если не считать старинные опыты XVI-XVIII веков. Поэтому радости Максима при виде этих четырех ящиков с РГ-12 его бойцы не оценили.

Не осознали пока они еще своего счастья.

Три часа. Долгих три часа шла возня возле этого склада. Васкову даже разок пришлось пустить в дело пулемет, расстреляв подводу трофейной команды.

– Ваше благородие! – обратился к подошедшему поручик младший унтер-офицер и, указав на дорогу, добавил: – Еще едут.

Максим глянул в указанную сторону и грязно выругался. Это были не одна и не две подводы, а целый караван из семи штук. Да человек при них с неполные две дюжины.

– Дистанция триста, – произнес он для Васкова, рассматривая гостей в бинокль. – Длинной очередью – бей!

– Есть! – бодро ответил унтер и высадил все две с половиной сотни патронов ленты в сторону колонны гужевого транспорта. Люди при первых же выстрелах бросились в придорожные лопухи, благо что их хватало. А вот лошадей поубивало на месте.

Ба-бах!

Что-то взорвалось на предпоследней подводе. Гранаты или, может быть, снаряды везли.

– Прокрути-ка им еще одну ленточку, Федот Евграфович, – произнес поручик, когда Васков перезарядил пулемет. – Только короткими очередями, да по тем лопухам, что у дороги. Пусть уже в лес бегут, если выжили. А то, не дай бог, постреливать из винтовок в нас вздумают. Нечего дурными мыслями им голову забивать.

Тот гаркнул уставной ответ и начал работать осторожными, экономными очередями по три-пять патронов. Боеприпасы теперь можно было не беречь.

– Что у вас? – поинтересовался Максим, подходя ко второму грузовику. Тому самому, что ремонтировали по их прибытии.

– Все готово, Максим Федорович, – доложил Хоботов. – Колесо заменили, пулемет установили.

– Водитель готов с нами сотрудничать?

– Разумеется.

– Что, поляк вот так взял и согласился?

– Ваше благородие, – подал голос водитель. – А что поляк?

– Так вы же русских не любите!

– И что? Вы думаете, я немцев люблю? – криво усмехнулся этот уже видавший виды мужчина. Помятая, пропитанная машинным маслом и бензином одежда. Трехдневная щетина. Уставший, злой взгляд.

– Так зачем признался, что водитель? Сдался бы просто так в плен. Мы бы уехали, а тебя эти бы развязали. И все. Свободен.

– Максим Федорович, а что вам так поляк не глянулся? Вы его узнали? Где-то раньше видели?

– Нет. Вижу его первый раз. Или ты забыл, что я тебе сказывал совсем недавно? Знаю только, что среди поляков много борцов за независимость. Им претит быть в составе Империи. Им хочется лежать на обочине. Пусть в полном ничтожестве, но незалежно и самостийно.

Поляк промолчал, ничего на это высказывание не ответив. А поручик продолжил, обращаясь к Хоботову:

– Или ты не знаешь, что ядро кавалерии армии Наполеона составляли поляки? Той самой, что сражалась под Бородино и входила в Москву.

– Поляки?

– Шляхта. И тогда охотно к врагам нашим пошли. И сейчас не удивлюсь, что пойдут. Уже тогда они показали, что им хоть с чертом целоваться, лишь бы не с русскими дружить. – А потом, чуть покачав головой, добавил: – Не нравится он мне.

– Так и застрели, – сплюнув, произнес водитель, переходя на «тыканье». – Коли не нравлюсь. Или повесь.

– А сам застрелишься? – присев и внимательно посмотрев поляку в глаза, спросил Максим. – Я тебе и пистолет дам с одним патроном.

– Нет. Сам не застрелюсь.

– Боишься?

Вместо ответа поляк просто достал крестик. Самоубийство у христиан – смертный грех. Максим это знал, но как-то не учитывал. Для глубоко бездуховного поручика религиозные маркеры были слишком незначительны. В общем – этот аргумент поручика смутил. Тем более что по глазам видел, что поляк не боится...

– Откуда родом?

– Из Варшавы.

– Так ты подданный Его Императорского Величества?! А тут что делал?

– По делам ездил. Как началась война, так и задержали. Две недели продержали взаперти, пока не посадили за руль моего же автомобиля. С тех пор на них и работаю. За еду.

– Жена, дети есть?

– И жена, и две дочери. В Варшаве остались.

– В церковь ходишь?

– Хожу.

– По доброй воле? Или чтобы люди что дурного не сказали?

– Ваше благородие... – с укоризной произнес поляк.

– Хорошо. Целуй крест, что верно служить будешь. А как доберемся до своих – я тебя отпущу.

– А автомобиль?

– Не обещаю. Война. Если получится – отдам. Главное – к семье вернешься. Уверен, что им там без кормильца тяжело.

Поляк с минуту думал, твердо смотря в глаза поручика, потом достал крест и поцеловал. И завертелось.

Следующие десять минут возились с загрузкой этого грузовика. Водителя-то до того не было, вот и не знали, что делать. Максим сам уже хотел садиться за «баранку». Но удалось договориться. К Яну сел Васков. Больше заслуживающих уважение людей с головой на плечах у поручика не было.

Завершив формирование колонны, Максим Федорович вышел и придирчиво осмотрел ее.

Главным шел грузовик Йозефа. На его широкой крыше расположилось два курсовых станковых пулемета. Из-за чего плотность курсового огня возросла чрезвычайно. Причем пулеметов новых, нормальных. Муха не сидела. Во всяком случае, на вид.

За ним стоял «Даймлер» Яна. Тот был более ранней модификации и закрытой кабины не имел. Водитель сидел как на козлах. Из-за чего и вооружить грузовик не было возможности. Поэтому в него перенесли носилки с полковником и ящики с боеприпасами. И даже прицепили к нему трофейную трехдюймовку, благо что их тут стояло аж девять штук в относительно целом состоянии. А две – так и вообще в отличном, одну из которых и решили экспроприировать. Зачем прихватили? Так кто его знает? Мало ли пригодится? Кое-как прицепили

передок, а уж за него и пушку. Причем содержимое зарядного ящика передка знатно потрясли, загрузив практически полностью фугасами. Из тридцати шести выстрелов оставили только четыре шрапнели. На всякий случай. Так-то фугасы будут попроще в употреблении и в деле более универсальны.

Замыкал колонну «Форд» Синичкина. Этот пикап все же обзавелся курсовым станковым пулеметом на крыше.

Довольно кивнув, Максим забрался в кабину к Йозефу, и колонна тронулась вперед.

Конечно, оставлять просто так этот важный полевой склад трофеев было нельзя.

– Взорвать бы тут все, – незадолго до отъезда заметил Васков.

– Взорвем. Обязательно взорвем. Но потом.

– Потом?

– Конечно. И не мы.

– Ваше благородие, я вас не вполне понимаю, – напрягся унтер.

– Ничего страшного. Говорить не хочу – боюсь сглазить. Комендант поделился сведениями не только об этом дивном местечке. Или ты думаешь, что я три десятка трехлинеек просто так велел положить в грузовик?

– Так про запас, ваше благородие, – развел руками Васков. – Разве нет?

– Хуже, Федот Евграфович, много хуже...

Глава 8

27 августа 1914 года, где-то в Восточной Пруссии

Дальше ехать пришлось медленнее. Пушка и ее передок были оснащены деревянными колесами без всяких рессор, а потому свыше десяти-пятнадцати километров в час двигаться оказалось опасно. Нет, конечно, можно и больше разогнаться. Да вот беда – колеса у них развалятся. В лучшем случае...

– Подъезжаем... – буркнул себе под нос Максим, поглядывая на карту. А потом чеху: – Тормози.

Колонна остановилась.

Поручик вышел и, встав так, чтобы его хорошо было видно всем, громко заявил:

– За лесом лагерь для военнопленных. Временный. Сколько там людей – неизвестно. Сколько их людей защищает – тоже неизвестно. Их освобождение – риск и авантюра. Но это нужно сделать. От вас жду собранности, внимательности и готовности действовать решительно. Наша задача – перебить охрану и освободить людей. Потом мы уходим.

– Почему? – выкрикнул кто-то, не показываясь, но не узнать Хоботова было сложно.

– Потому что мы не можем действовать вместе с ними. Мы – моторизованное подразделение. Мы быстры. Мы подвижны. Мы можем за пару часов проехать столько, сколько пехота идет сутки. Оставшись с ними, мы потеряем все наши преимущества, практически ничего не дадим им...

Митинг получился короткий. Не больше пяти минут. Не в традиционном русском смысле митинг, а в англосаксонском – просто рабочее собрание[4 - Собрание, встреча, заседание на английский язык можно перевести, в том числе и как meeting, происходящее от глагола meet – встречаться. Справедливости ради нужно отметить, что meeting в значении собственно митинга тоже так можно перевести. Но тут не стоит забывать о том, что политический митинг и политическая демонстрация в англоязычной среде – это все-таки разные вещи. Да и смысл политических митингов не заключался в публичной демонстрации своей позиции или требований.]. Слово-то в свое время заимствовали, да как обычно, с творческой обработкой известным местом. Поручик инструктировал людей, объясняя не столько их конкретные задачи, сколько общую идею и

формат действий. Что было там за поворотом – загадка. Требовалось импровизировать. Добился понимания. И только после этого вернулся в кабину грузовика, приказав трогать.

Полковник спал. К счастью, полковник крепко спал. Максим сильно переживал, что тот начнет возражать и что-то требовать. Или того хуже – приказывать.

В принципе, можно было бы остаться и с пленными, качественно их усилив. Но поручик не хотел идти ни к кому в подчинение. И потому, что это прямо противоречило его оперативным интересам. И потому, что немало сомневался в способностях местных командиров. За время увлечения реконструкцией наслушался всякого. Да и вообще...

Медленно, километрах на семи-восьми в час, колонна грузовиков выехала из-за поворота лесной грунтовки. Моторы подвывали. Максим нервно вертел в руках пистолет, потирая рифленую щечку рукоятки.

Пленных согнали в загон для скота, позволив укрыться под навесами. Конвоиры же заняли два домика рядом. Ну и на крыше троих наблюдателей посадили, дабы предупредить бегство заключенных. Да, загон был обнесен колючей проволокой, но все одно – могли просочиться.

Дистанция полсотни шагов.

Пленники подошли к забору и тоже любопытствуют. Появление грузовиков могло означать всякое. В том числе и то, что их наконец покормят. Наверняка ведь не кормили еще... с момента пленения.

– Проклятье... – прошипел Максим, а потом, набрав в легкие воздуха, что было силы заорал: – Ложись!

Это был условный, оговоренный сигнал для начала атаки.

Застрекотали оба пулемета. Захлопали винтовки. Две секции немецкого пехотного взвода, которые располагались перед воротами, положили очень быстро. Настолько, что с их стороны только два или три выстрела прозвучало. Да и те непонятно куда. Они были не готовы. Жарко же. Тыл. Ландвер. Вот

бойцы и сидели под навесом, тем, что повернут к дороге, а не к пленникам. Кто просто дремал. Кто жевал чего-то. Кто пытался писать то ли письмо, то ли черкать что-то в записной книжке. Ну а что? Около восьмидесяти процентов личного состава немцы старались набирать из горожан. Поначалу, во всяком случае. Поэтому уровень образования их был не так уж и плох.

Бой кончился быстро. Точнее, расстрел. Минуты не прошло, как все затихло.

Максим спрыгнул с грузовика на землю. Оправил форму. Сделал несколько шагов вперед. И тут из левого домика выскочили трое заспанных бойцов.

Поручик отреагировал быстрее, чем пулеметчик. Плавным шагом он ушел чуть в сторону, перехватывая пистолет двойным хватом.

Бам! Бам! Бам!

Три пули – три пораженные тушки. На дистанции в пять-шесть метров скоростная стрельба по таким крупным мишеням была чистой забавой. Во всяком случае, для Максима.

Двое быстро затихли. А третий никак не мог отойти, захлебываясь собственной кровью.

Бам!

Выстрелил поручик, пуская ему контрольную пулю в голову. Сменил магазин в пистолете и начал отдавать распоряжения.

Замок с ворот сбили очень просто. Велели пленникам отойти от ворот и прошлись по этому висячему «дружку» очередью, разворотившей не столько замок, сколько его крепление. Очень популярный прием в кино, подвергаемый жесткой критике. Ведь пули с твердым сердечником очень легко рикошетят от твердых поверхностей. Да вот беда. На 1914 год на вооружение русской армии было только два типа пуль: тяжелая тупоконечная и легкая остроконечная. И обе они представляли собой кусок свинца в мельхиоровой оболочке. То есть пустить эти легко сминаемые пули в рикошет было практически невозможно. Чем поручик и воспользовался. Искать ключ или возиться с тросом было слишком

долго.

– Кто здесь старший? – обратился Максим к пленным.

Из толпы вышел мужчина лет за сорок с богатыми, пышными усами. Мундир полковника. На груди Владимир с мечами четвертой степени и пара других, менее значимых в текущей обстановке наград.

– Здравия желаю, – козырнул поручик. Сделал пять шагов и, достав из планшета карту, сразу перешел к делу. – Мы вот здесь, – указал он точку на карте. – Вот тут – временный полевой склад трофеев. Там есть несколько пушек и пулеметов. Много боеприпасов. Отсюда, если по прямой, верст шесть. По дороге, конечно, больше. Я вам оставляю тридцать винтовок, один пулемет и десять ящиков с патронами. Дальше уже сами. Вопросы?

Полковник промолчал, буравя взглядом Максима. Тот вел себя слишком дерзко. Даже для столь неоднозначной обстановки.

– Могу оставить ящик гранат. РГ-12, – после небольшой паузы добавил поручик как ни в чем не бывало, смотря в глаза полковнику. С абсолютной уверенностью и даже какой-то легкостью.

Тишина.

– Ну как знаете, – пожав плечами, ответил Максим и, развернувшись к своим, крикнул: – Васков!

– Я!

– Разгружай! Пулемет, тридцать винтовок и десять ящиков патронов.

– И гранаты, – наконец произнес полковник.

– И гранаты! – крикнул поручик, едва заметно улыбнувшись уголком рта. Но, лишь вернув себе невозмутимость, повернулся к полковнику и продолжил: – Охрану лагеря мы перебили. В основном. Кое-кто разбежался. Большой частью технический персонал. На подходе к полевому складу мы расстреляли конвой из

семи подвод. Кто-то из личного состава мог уцелеть. В общем, желаю успеха. И да – постарайтесь не медлить. Мы, конечно, пошумим в сторонке, отвлекая внимание и давая вам шанс спокойно добраться до склада. Но черт его знает, как все выгорит. Честь имею! – козырнул Максим, щегольски щелкнув каблуками, развернулся и направился к грузовику. – По машинам! – рывкнул он с подножки, возвращая бойцов охранения в чрево грузовиков.

Полуминутная задержка, и вот уже автомобили, взревев мотором на перегазовке, начали разворачиваться. Благо что лужайка перед воротами вполне это позволяла.

– И что это было? – озадаченно спросил полковник, когда последний автомобиль скрылся за поворотом лесной дороги.

– Хорошо стреляет, – невпопад отметил капитан, стоявший все это время рядом. Временный пункт накопления пленных еще не претерпел сортировки. Не успели раскидать людей. Вот офицеры попеременно с нижними чинами и находились.

– Господа, – произнес второй капитан, – а вы не заметили нашего Льва Евгеньевича?

– Хоботова?

– Так точно-с. Он в первом автомобиле за левым пулеметом стоял. И стрелял.

– Лев Евгеньевич?! – удивился полковник. Этот военный философ был достопримечательностью корпуса. О нем многие офицеры знали. Да и сидя по штабным делам – примелькался.

– Да. Точно-с. Стрелял. И глаза такие... стеклянные. Словно и не он вовсе. А потом гляжу. Нет. Он.

– Невероятно! – покачал головой полковник.

Причем, что любопытно, перед ними на земле лежало оружие, но никто так и не вышел. В ступоре пребывали. И лишь спустя долгую минуту, увлеченные приказом полковника, пленные... бывшие пленные зашевелились. Все

произошедшее выглядело очень неожиданно и не укладывалось у них в голове.

Максим тем временем двигался дальше.

Проскочили маленький, ничем не примечательный не то городок, не то поселок. Прямо вот так, не сбавляя ход. Миновали развилку. Мост через не то ручеек, не то речушку. Выехали на небольшую возвышенность и остановились. Вдали – почти у самого горизонта – двигалась большая маршевая колонна, как бы и не батальона. Все было при ней. И передовой дозор, выдвинутый на пятьсот метров. И фланговые «бедолаги», идущие по полям. И обоз имелся, плетущийся в хвосте.

Поручик вышел из автомобиля и с минуту изучал эту пехотную колонну в бинокль.

– Васков!

– Я!

– Отцепляй пушку.

– Есть!

– Максим Федорович? – подал голос Хоботов. – Что вы задумали?

– Да пошумим маленько. Надо ребятам помочь. И, Лев Евгеньевич, подайте мне, пожалуйста, ту книжицу, что я просил вас прихватить.

– Таблицы стрельбы?

– Да.

Минут через пять тяжеленную трехдюймовку отцепили от передка и, развернув, выкатили рядом с первым грузовиком. Но так, чтобы она была в тени грузовика и в глаза издали не бросалась.

– Васков, распорядись доставить все четыре шрапнельных снаряда. И ключ установки дистанции.

– Есть! – козырнул он и ускакал с парой бойцов к зарядному ящику.

– Так-так... – задумчиво пробубнил себе под нос Максим, напряженно вспоминая из своего учебного курса методы определения дистанции без дальномера. – Дистанция... дистанция около шести километров. М-да. Лев Евгеньевич, что скажете? Сколько до противника?

Хоботов с полминуты молчал, изучая противника в превосходный германский бинокль. А потом произнес:

– Не могу сказать, Максим Федорович. Не силен. Да где-то около шести верст. Очень похоже на то, – произнес Хоботов, в очередной раз вызывая у поручика понимание – опять прокололся. Километры-то, конечно, в России до революции вполне употребляли. Но не официально. А так-то в ходу были версты, употреблявшиеся в разговорной речи не одно десятилетие даже после ввода официальных километров.

– Васков, поставь к каждому выстрелу по бойцу. Пусть на руках его держит, снарядом вверх. И еще одного – с ключом. По команде... – начал инструктировать поручик своих подчиненных.

Ничего хитрого и сложного от людей не требовалось. Каждому была поставлена своя, предельно простая, можно даже сказать, примитивная задача. Боец держал выстрел и ждал, когда установщик задержки ключом повернет бегунок на нужную отметку. Накинул ключ по посадочному гнезду и повернул до нужной цифры на отметке. Что может быть проще? После чего выстрел требовалось запихнуть в зарядную камеру пушки. А тут уже и сам Максим был вынужден помочь, открывая-закрывая затвор. Он в свое время пробовал несколько раз на реконструкции. И наводить, и заряжать, и стрелять холостыми, правда, ну да не важно.

Главное в этом деле – действовать быстро, пока противник не разбежится по полю. У трехдюймовки очень уж узкий пучок шрапнели. Более-менее толково работает только по таким вот колоннам. Очень специфическое орудие, рожденное в эпоху «кокаиновых грез».

Пока возились, противник сколько-то прошел пешком. Метров двести-триста. Но при изначальной оценке по схеме плюс-минус лапоть это мало влияло на оценку дистанции. Где-то около шести километров.

Максим еще раз посмотрел в бинокль. Сверился с данными из таблицы стрельбы. И, наведя орудие, скомандовал заряжать.

Лязгнул затвор, захлопываясь за гильзой снаряда.

Поручик демонстративно перекрестился и, буркнув:

– Прими за лекарство, – выстрелил, дернув за «шнурок».

Шесть тысяч метров снаряд классической трехдюймовки образца 1902 года летит около восемнадцати-девятнадцати секунд. Поэтому наш герой успел не только открыть затвор, выбрасывая гильзу, но и встать, прильнув к биноклю.

С небольшим недолетом в воздухе вспухло белое облачко шрапнельного взрыва.

– Заряжай! – крикнул Максим стоящему рядом бойцу со снарядом.

После чего, не корректируя, выстрелил еще раз. Еще. И еще. Благо что все четыре снаряда были выставлены на одинаковое замедление. А терять время и ловить миллиметры ему сейчас не хотелось.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

В РИА прапорщик был младшим офицерским (обер-офицером) чином, а не как в наши дни – старшим унтер-офицером.

2

Федорович – происходит от имени Федор, что вариация греческого имени Теодорос, которое переводится как «Божий дар». Такое отчество нередко употребляли в официальной среде для обозначения отчества там, где оно было либо непереводимо на православную почву, либо неизвестно. Этаким изящный и вполне позитивный вариант шутливого отчества – «Батькович».

3

Aqua vita – «живая вода» в переводе с латинского. Так в старину называли этиловый спирт. В данном случае подразумевалась водка.

4

Собрание, встреча, заседание на английский язык можно перевести, в том числе и как meeting, происходящее от глагола meet – встречаться. Справедливости ради нужно отметить, что meeting в значении собственно митинга тоже так можно перевести. Но тут не стоит забывать о том, что политический митинг и политическая демонстрация в англоязычной среде – это все-таки разные вещи. Да и смысл политических митингов не заключался в публичной демонстрации своей позиции или требований.

Купить: https://tellnovel.com/ru/lancov_mihail/bezumnyy-maks-poruchik-imperii

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)